

НАТАЛЬЯ РУЧЕЙ

**ВСЕ ДРУЗЬЯ
ДЕЛАЮТ ЭТО**

Наталья Ручей

Все друзья делают это

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67640949*

Н. Ручей. Все друзья делают это:

Аннотация

Я знаю его с детства. Он – мой лучший, мой любимый и единственный друг. Близкие отношения между нами все испортят, а значит, и невозможны. Тем более что я давно люблю его брата.

Но однажды мы вместе уезжаем в загородный дом его родителей, и...

Надеюсь, мы сумеем сохранить нашу дружбу.

Надеюсь, я сумею завоевать любовь его брата.

Хотя методы, которые предлагает для этого мой добровольный помощник, меня пугают... меня искушают...

Содержание

Глава № 1	5
Глава № 2	14
Глава № 3	24
Глава № 4	32
Глава № 5	44
Глава № 6	55
Глава № 7	65
Глава № 8	74
Глава № 9	81
Глава № 10	92
Глава № 11	104
Глава № 12	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Наталья Ручей

Все друзья делают это

Наталья Ручей

* * *

Глава № 1

Иногда все, что необходимо для успеха в важных переговорах, – это не козыри на руках, не компромат, не шантаж и угрозы, а правильный подход.

Если бы Никита вновь принялся расписывать, какой у них за городом огромный и красивый дом и какие там интересные старинные картины, на которые я просто обязана взглянуть для духовного развития, я бы отказалась тут же и сразу. Ну, или если бы он опять принялся ерничать, что сейчас я сама никуда не хочу ходить, а вскоре стану такой огромной из-за малоподвижного образа жизни, что никто меня и не подумает куда-либо приглашать, я бы просто залепила в него подушкой и продолжила спать. Пока что меня мои формы вполне устраивали, да и не только меня, судя по участвовавшим приглашениям на свидания.

Но Никита, в отличие от меня, выбрал правильную профессию, у него уже сейчас, в самом начале карьеры, имелись задатки хорошего управленца, и он умел просчитывать свои действия на пару шагов вперед. Совершенно очевидно, он учел тот факт, что по утрам в выходные я отключаю мобильник и вообще на внешние раздражители не реагирую, а уж если речь идет о долгожданном и заслуженном отпуске, так тем более.

Уверена, он заранее договорился о визите с моей соседкой

по квартире – Мариной Веселкиной, иначе она бы и не подумала встать в субботу раньше полудня, учитывая тот факт, что легла только в три часа ночи. А тут тихонько и безропотно поднялась, встретила раннего визитера, да еще и две двери открыла – входную и в мою комнату.

Ну и еще один немаловажный аспект, указывающий на серьезную подготовку Никиты: войдя в комнату, он занял не стул или кресло, а изголовье моей кровати. А потом, зная, что этот звук я не спутаю ни с одним другим, принялся шуршать оберткой и фольгой от шоколадки. От моей любимой молочной шоколадки, с намеком на швейцарское происхождение!

– Привет, – пробормотала я и вынырнула из-под пледа, коим укрылась, едва в комнате появился гость.

– Отлично! – послышался радостный смешок. – Мы уже вспомнили о приличиях...

Никита еще активней зашуршал фольгой, а потом издал стон удовольствия, и...

Не выдержав такой муки, я подскочила на кровати, выхватила у него заслуженный за раннее пробуждение трофей, откусила кусочек и умиротворенно прикрыла глаза. И мне было все равно и на очередной смешок, раздавшийся слева, и на то, что я предстала перед мужчиной со взъерошенными волосами – светлые, длинные, непослушные, после сна они превращали меня в игольчатого дикобраза.

Да и то, что я одета в кружевной пеньюар, не имело зна-

чения. У Никиты было столько поклонниц – до и сейчас, что вряд ли он все еще воспринимал вид девушки в пеньюаре как нечто призывное и соблазнительное. Тем паче что я для него и не девушка вовсе, а друг. Лучший друг.

Некоторые удивляются: мол, разве так бывает, что парень и девушка просто дружат? Бывает. И мы тому прямое доказательство уже долгое время. А если конкретней... Когда мы с Никитой познакомились, мне было десять, а ему едва исполнилось тринадцать, так что вместе мы уже целых двенадцать лет.

Кстати, познакомились мы как раз в августе. Жаль, я точной даты не помню – мое упущение, а так вполне можно было бы отметить.

– Не понял, – возмутился Никита. – Я тебе шоколад зачем принес? Чтобы ты быстрее проснулась и при этом была бодрой и в хорошем настроении. Ты мне даже целую лекцию прочла про выработку гормона счастья, а что на практике? Мало того, что у тебя глаза закрыты – так ты еще и вздыхаешь! Или мне порадоваться, что ты хотя бы не храпишь?

Хмыкнув, откусила еще один кусочек от шоколада, не желая ни просыпаться, ни вставать, ни что-либо говорить. Вот доем... или хотя бы съем половинку...

– Интересно... – Судя по прогибу матраса, Никита сменил положение, устраиваясь с большим комфортом. Но и обо мне не забыл – взбил и заботливо поднял вверх подушечку. – Ты не храпишь потому, что жуешь? Или тебе это в принципе

не свойственно?

– Мучайся теперь в неизвестности, – улыбнулась я, снова нырнув ненадолго в воспоминания. – Я тебе предлагала со мной переспать, а ты...

– Когда это?

Судя по голосу и очередному прогибу матраса, Никита напрыгся. Небось, стал мысленно перебирать все наши душевные разговоры в последнее время. А заглянуть так далеко, как я, точно не догадается!

– Когда, Ань? – потребовал он ответа.

Ого, а голос вообще стал странный какой-то. Я даже глаза открыла и повернулась к нему. Правда, тут же пришлось немного вдавить голову в подушку, потому Никита, оказывается, надо мной практически нависал. И был так близко, что я и рыжие пятнышки рассмотрела в его темно-карих глазах.

– Любопытно... – Никогда раньше не замечала их, а тут...

– Не увиливай от ответа, – он сдвинул черные брови, что, возможно, и производило эффект на его подчиненных, но меня, как всегда, веселило. – Ты любишь точность, а теперь о ней прошу я. Итак...

– Вот совершенно точно никогда раньше не замечала, что ты зануда, – рассмеялась и пояснила: – Двенадцать лет назад, у бабушки, помнишь? Было поздно, и чтобы ты не шел один через всю деревню, я предложила тебе остаться у меня и переночевать. А ты отказался.

– А, тогда...

Никита отстранился и взглянул в окно, где вовсю красовалось солнце. Люблю эту комнату, хорошая она, светлая, жаль будет с ней расставаться... И так красиво здесь по утрам: свет разгоняет ночные тени, и обои в цветочек кажутся милыми, и мебель, которую давно пора было бы поменять, выглядит как дорогой антиквариат, и волосы у Никиты из-за солнечных бликов кажутся не просто черными, а с рыжиной.

Я медленно ела шоколад, смотрела на друга и ждала, когда он расскажет о цели визита. А он смотрел в окно и молчал. Неужели это я его подгрузила древними воспоминаниями?

– Никит, – отложив шоколад на тумбочку, подвинулась к нему, обняла за плечи. – Ты чего это?

– Так... думаю...

– О прошлом?

– Угу, годы – вода...

– Да, – села к нему боком, прислонила голову к его спине и снова невольно вздохнула. – Бабушки моей уже нет, бабушкиного тома – тоже, а ветхая деревня стала элитным поселком. Ну, это ты знаешь.

Он усмехнулся.

– Никит, я вот почему-то сегодня вспомнила... Мы ведь с тобой где-то в конце августа познакомились... Если бы знали точную дату, можно было бы и отметить... – Никита по-прежнему молчал, и я решила закрыть эту тему: – Впрочем, мы с тобой можем найти и другие поводы устроить маленький праздник, верно?

– Верно, – он развернулся, и получилось так, что мне надо было либо отстраниться, либо лечь к нему головой на колени.

Я отстранилась, делая вид, что соскучилась по шоколаду, но насмешливый карий взгляд подсказал, что мне не поверили. Ничего не знаю. Жую с аппетитом. А лежать у него на коленях... ну... для друзей это как-то слишком интимно, мне кажется.

– Кстати, хорошо, что ты вспомнила об этом, – неожиданно похвалил Никита. – Я думал просто так тебе предложить, а теперь даже повод есть.

– Что предложить?

– Переспать со мной.

Я подавилась шоколадкой. Никита заботливо и, кажется, с большим удовольствием постучал по моей спине. А заметив, что я вышла из состояния легкого неадеквата, продолжил:

– Тут, Ань, такое дело... Мои задумали устроить уик-энд элитных знакомств. Ну ты понимаешь, да? Как у заводчиков лошадей – свести нужного жеребца с нужной кобылой. А я принимать участие в этих гонках не хочу. Но и отказаться приехать к родителям уже не могу. Пообещал.

– Сочувствую, – покивала я грустно.

– Спасибо, я тронут, – отмахнулся от моего сопереживания друг. – Но я буду куда более растроган и благодарен, если ты сама, добровольно согласишься оказать мне маленькую помощь. И мне не придется вспоминать о своих горячих

восточных корнях и попросту тебя воровать!

– Что?! – возмутилась я. – Да у тебя только пра-пра-прадед был каким-то там шейхом! Да и то по слухам! Какие корни?!

– Длинные, – серьезно заявил он. – Надежные. И не по слухам, а настоящие. Кстати, когда мы будем в загородном доме моих родителей, я тебе это легко докажу. Там есть такие картины...

– Никита! – я даже шоколадку снова оставила в покое и пощелкала пальцами перед лицом мужчины. – Какие картины?! Я никуда с тобой не поеду! Я поняла, куда ты клонишь! Хочешь, чтобы я сыграла роль твоей девушки?! Но это глупо! Я, конечно, твоих родителей видела всего пару раз, но они-то знают, что мы с тобой дружим! Мы не можем с тобой встречаться! Это же неестественно!

– Спорное утверждение, – отмел он мой довод. – К тому же мы не будем делать вид, что встречаемся. Мы притворимся, что ты еще думаешь, присматриваешься ко мне.

– Ага, а за двенадцать лет я тебя не рассмотрела!

– Ну да, – усмехнулся он. – Бывает и так. Но вместо того, чтобы обидеться, я благородно даю тебе еще один шанс.

Внимательно посмотрела на Никиту и поняла, что, несмотря на усмешку, он говорит на полном серьезе. Он действительно хочет, чтобы я поехала вместе с ним в домик его родителей и изобразила из себя дурочку, которая за столько лет не поняла, как относится к мужчине, ближе которого нет.

– Нет, – сделала слабую попытку отбиться от этой непривлекательной роли.

– Вспомни, что ты – мой друг, – надавил он на слабую точку и сгладил неприятность этого факта соблазнительными бонусами: – Отметим юбилей нашего знакомства в историческом месте. Ты ведь после смерти бабушки там не была? Погуляем, подышим свежим воздухом, а то так и пролежишь две недели в квартире. Грибы пойдем собирать. И вообще, кто, если не я, поможет тебе во всем разобраться?

– Весь пафос сбил! – рассмеявшись, я схватила подушку и бросила ее в Никиту.

Тот ее поймал, вернул на место и лег на нее вместо меня. Закинув руки за голову, он мечтательно улыбнулся и пробормотал:

– Хорошо, что у меня есть ты. Уверен: мы с тобой отобьемся, а вот мой братец...

– Фи... – нервно сглотнув, я все же смогла справиться с эмоциями и продолжить: – Филипп что, тоже там будет?

– Угу. Как раз возвращается в уик-энд. И даже понятия не имеет о засаде. Придется ему за двоих отбиваться. У него же нет такой надежной девушки, как ты.

– Но... я...

Никита открыл глаза и очень серьезно взглянул на меня.

– Что, Ань?

– Да так... – я постаралась улыбнуться, чтобы он не заметил моей растерянности, а потом, дабы не выдать себя даже

взглядом, легла на одну подушку с Никитой. – Ты прав. У него действительно меня нет.

Я тихонечко вздохнула, не в силах справиться с накатившей печалью. Филипп приезжает... Ничего не слышала о нем почти два года, и вдруг...

Как я смогу делать вид, что присматриваюсь к Никите, если люблю его старшего брата?!

– Никит... – прошептала испуганно я.

– Я буду рядом, – он выпрямил руку так, чтобы мне было удобней лежать, и ободряюще приобнял за плечи. – Я тебе помогу во всем разобраться. Пора уж...

Кажется, он бормотал что-то еще, но на каком-то незнакомом для меня языке. Или я просто уснула, и мне это приснилось. Не знаю. Но в любом случае, перед такой нервной поездкой выспаться не помешает.

А я поеду.

Я теперь точно поеду.

Глава № 2

Сложив в небольшой чемоданчик вещи первой необходимости, я накормила себя и лучшего друга завтраком на скорую руку и порадовала Веселкину, что на целые выходные квартира остается в ее полном распоряжении.

– Ура! – все еще сонная, она соскочила с кровати и бросилась обнимать Никиту. – Не зря я вставала ни свет ни заря! Не зря я в тебя поверила! А вы точно только на пару дней? Может, погостите подольше? Все-таки родители – это святое.

– Согласен, – поддакнул Никита.

– Я тоже буду скучать по тебе, – отлепив девушку от друга, укоризненно взглянула на соседку, но у нее снова слипались глаза, и моего взгляда она не увидела.

А вот слова приняла всерьез: мол, да, конечно, я буду по ней скучать. Сама же она грустить точно не станет. И я даже представлять не хочу, что увидит квартира за эти два дня. Главное, что этого не увижу я, а к моему возвращению все будет убрано.

– Ты уверена, что здесь все, что нужно? – усомнился друг, посмотрев в дверях на мой чемоданчик. Взял его в руки, недоверчиво встряхнул, и еще раз. – Почему он такой легкий? В нем что, одни шоколадки?

– Никита, я еду в гости, а не переезжаю. Здесь все, что

мне потребуется в течение пары дней. А обеспечение шоколадом я бесцеремонно перекладываю на твои плечи. Если бы я знала заранее о нашей поездке, я бы запаслась, а так...

— Угу, — недоверчиво хмыкнул мужчина и выставил меня за двери. — Если бы ты знала заранее, ты бы сто раз себя накрутила, придумала массу весомых причин для отказа или даже сбежала куда-нибудь. Так что, согласишься, идея заставить тебя врасплох оказалась весьма удачной.

Зная хорошую память Никиты, я соглашаться не стала, а то возьмет себе за правило всегда просто ставить меня перед фактом! Хотя на самом деле он ловко прочувствовал: иногда со мной надо поступать именно так. И вообще, он прав: пора во всем разобраться.

Пора. Тем более что больше такой возможности точно не будет...

Субботний день, да еще конец августа — черный BMW Никиты уверенно рассекал полупустую трассу, а когда мы выехали за город, совсем расправил железные крылья. С улыбкой вспомнила, что раньше, с пересадкой на общественном транспорте, эта же дорога занимала у нас с родителями почти два часа, а потом еще минут двадцать надо было идти пешком по тропинке. Сейчас же мы уже через полчаса въезжали в поселок. Два пункта охраны, почти один за другим, Никита предъявляет пропуск, мая фамилия записывается в книге гостей...

Проехали дальше, и я замерла в ожидании, когда же по-

кажется маленькое озерцо, в котором никакой рыбы лет сто не водилось, но было так приятно болтать ногами в его воде. Машина замедлила ход, окно с моей стороны опустилось, и я невольно задержала дыхание, увидев настоящее прозрачное озеро, двух рыбаков и крупный улов в их безразмерных ведрах.

– Никит... – выдохнула потрясенно.

Он не ответил.

А машина двинулась дальше медленно, как будто демонстрируя, как изменилась деревня за то время, пока меня здесь не было. Сейчас о прошлом напоминали лишь высокие деревья, да и то раньше в этом лесу можно было легко заблудиться, а теперь виднелись ухоженные дорожки, лавочки и беседки для отдыха. И дорога... Я помнила ее совершенно другой.

После дождей бывала такая грязь так землю размывает, что к колодцу во двор выходить не хотелось. А ныне колеса авто как по зеркалу скользят. Да и асфальт чистый, не удивлюсь, если его моют, как за границей. Коренные жители деревни о таком и не слышали даже, а хозяева новых домов, почти полностью скрывающихся за высокими дорогими заборами, снабженными всей атрибутикой охраны, могут себе и не такое позволить.

Семь лет назад, когда мы продавали бабушки дом, здесь не было такой показушной роскоши. Ну, выкупали старые постройки, затевали на их месте новые, но не чувствовалось

такого размаха. Я недавно в интернете наткнулась на фотографии этого поселка, но долго не рассматривала. Зачем? Бабушки уже нет. Дома ее наверняка уже тоже нет. И потом, картинки показались безликими, а сейчас я смотрела и вспоминала, что на месте этого желтого чудовища с башенками раньше был хилый домик деда Василия. В нем всегда так приятно пахло сушеными грибами, и когда ни придешь – на столе поджидали грибная юшка и краюха черного хлеба. И было так вкусно, что мы с Никитой, даже будучи сытыми, никогда от угощения не отказывались.

И только теперь мелькнула мысль: а дед Василий, может, не так сильно любил грибы и черный хлеб. Может, у него просто на другую еду денег не хватало, а мы...

Следующие дома ничего не говорили мне о новых владельцах, а вот земля, на которой они находились, рассказывала. Здесь жила баба Матрена. Здесь дядя Лука. Здесь когда-то давно веселая молодая семья обосновалась, и они ждали пополнения. Наверное, тоже переехали – их домик был хоть и современным, но куда проще того, который выглядывал из-за забора. Жаль. Почему-то жаль...

А вот там, в конце деревни, у кромки самого леса, жила моя бабушка.

Очень сильно хотелось взглянуть, как там сейчас, но машина притормозила у белого двухэтажного коттеджа, виднеющегося через ажурную высокую изгородь, и я узнала дом родителей Никиты. Когда-то он был меньше на целый этаж,

да и вширь не так раздавался, но смотрелся красиво, не вычурно. Светловолосая женщина, что вышла на лестницу и приветливо махнула рукой, подтвердила мои мысли: да, мы приехали. И нас уже ждут.

– Никит, а у нас получится позже, может, вечером, пройтись к бабушкиному дому? – с надеждой взглянула на друга.

– У нас все получится прямо сейчас, – усмехнулся он и, посигналив маме, проехал мимо. – Сейчас жарко – так что я за комфорт. А вечером, по твоему заказу, пройдемся.

– А... как же твоя мама? – слегка растерялась я.

– Увидитесь с ней на полчаса позже, – небрежно пожал он плечами, а потом с усмешкой взглянул на меня. – Или ты подумала, что это она меня встречать вышла? Мы с ней только пару часов как расстались. Когда я за тобой уезжал. Нет, Ань, ей не терпится взглянуть на тебя! Уверен, папа тоже в одной из комнат держится за занавеску. Ну а что ты хочешь? Такое событие! Смотрины, можно сказать...

И вот тут я начала нервничать.

Сильно нервничать.

– А... – снова взглянув на меня, покивал понимающе друг. – Наконец-то проснулась?

Я задержала дыхание и выглянула в окно. Не потому, что красиво. Что красиво, сомнений нет, но...

– Если ты паникуешь от того, что вдруг поняла мой намек и надо было брать чемоданчик побольше, – не беда. Я заскочу к тебе домой и возьму все по списку, который составишь.

А если ты подумываешь сбежать – тоже не страшно. Здесь автобусы и маршрутки не курсируют, такси без звонка хозяина дома на территорию не пропустят, так что выдохни наконец и расслабься. И потом, вспомни о нашей цели!

Я вспомнила о Филиппе, о том, что мы два года не виделись, и занервничала еще сильнее. А потом машина остановилась, я повернула голову и... выдохнула – от представшего передо мной зрелища. Это было... это...

Я во все глаза смотрела на бабушкин дом. Нет! Я помнила, что он был как минимум раз в пять меньше этого, и со знавала, что вряд ли нынешний дом сделан из натурального дерева, – так, только видимость создает.

Но он до безумия был похож на любимый дом моего детства. А значит, был просто великолепен!

– А вот этого я не заказывал, – проворчав, Никита провел пальцем по моей щеке, а потом заставил повернуться к себе и уверенно вытер слезинки. – Внутри заходить не будем, а то ты совсем расквасишься, и мама подумает, что я тебя силой сюда приволок!

– А мы что, можем зайти?! – не поверила я удаче. – Нас впустят?

– В таком состоянии нет.

– Почему?

– Потому что это дом для счастья и радости, а не изба-ры-дальня.

Усмехнувшись, я достала из бардачка влажные салфетки,

вытерла лицо. Пока машина возвращалась к дому родителей Никиты, я успела припудриться, тронуть помадой губы и на-
красить ресницы.

– О, – заметив мое незначительное преобразование, взбод-
рился друг. – Начинаю тебя узнавать!

Я рассмеялась. Подождала, пока Никита обойдет машину
и откроет мне дверь – не потому, что его мама все еще на-
блюдала и где-то в доме на посту стоял папа. Просто у нас из-
начально так было принято: Никита позволял мне быть жен-
щиной, а я ему – быть мужчиной. Дружбе ведь это никак не
мешало.

– Интересно, – подав мне руку, усмехнулся Никита. – Они
сразу тебя узнают?

– То есть... – Я почти нырнула обратно в салон, но силь-
ная рука уверенно вытянула меня на свежий воздух. – Они
что, не знали, что я приеду?!

– Я сказал, что поехал за девушкой. Но что это ты, уточ-
нять не стал. Люблю сюрпризы.

– А я ненавижу!

– Знаю, – вопреки моему возмущению, он широко улыб-
нулся. – Столько лет пытаюсь тебя приучить к ним – и все
никак. Но тешу себя надеждой, что однажды мне это удастся.

– А я тешу себя надеждой, что однажды твоя фантазия
все же иссякнет. До сих пор вздрагиваю, как вспомню ужа в
кровати, гусениц в баночке, плакат с моим изображением на
двери школы, твои частушки под моими окнами и лепестки

роз по всему подъезду, которые я час выметала. Это неправильные сюрпризы, тебе так не кажется?

– Нет. По-моему, я как раз все делаю правильно, – отмел все упреки мужчина. – Вряд ли кто-то еще может похвастаться, что ты помнишь его подарки спустя долгие годы. И бережешь их – как, например, мой плакат. Но оно и понятно: ручная работа, хэндмейд.

– Просто твой плакат такой страшный, что я боюсь к нему прикасаться. Как забросила на шкаф – так и лежит.

– Страшный? – удивился Никита и привел аргументы, почему его плакат страшным никак быть не может: – Я, между прочим, старался! Подбирал бумагу, кисти и краски, приобрел клей хороший, чтобы сразу не отодрали, чтобы сюрприз хоть полчаса провисел на двери. Ты же и раньше любила поспать, так что пока бы пришла... А еще сделал надпись разноцветными маркерами, чтобы ни у кого не осталось сомнений – «Самохина Аня – самая красивая и добрая девочка в школе!»

– Угу, – буркнула я, – только следы от плаката потом два часа с матами отдирала уборщица, а глядя на твой рисунок, словам уже никто не поверил.

– Печаль, – расплылся в довольной улыбке Никита.

– В это не верила даже я. До самого окончания школы. И только потом...

– Хватит на сегодня воспоминаний, – прервал меня друг, взял за руку и поставил пред материнские очи. – Мам, а что

это ты одна? Зови папу! Пусть он тоже вблизи посмотрит на красивую, добрую и отзывчивую девочку, которая пала жертвой моего обаяния и согласилась разделить со мной тот страх и ужас, что вы уготовили! Вот. Привез. А вы не верили, что я занят всерьез и надолго!

Ой, вцепилась в его ладонь. Ой, что сейчас будет...

– Здравствуйте, Инга Викторовна, – улыбнулась я женщине, грозно вззирающей на меня с высоты лестницы.

И неожиданно увидела, как она сначала расслабилась, а затем приветливо улыбнулась в ответ.

– Аня? – ее сомнения рассеялись, когда я улыбнулась шире, а Никита прошипел что-то непонятное, ощутив на себе остроту моих коготков. Женщина распахнула дверь и весело подмигнула мне: – Пойдем, покажу тебе твою комнату. А по всему дому, раз ты всерьез и надолго, тебе потом сам Никита экскурсию организует.

Женщина отвернулась. Я снова попыталась хоть как-то выразить Никите степень своего удивления, но он перехватил мою ладонь, поднес к губам и, пронзив меня насмешливым взглядом, сообщил:

– Единственное место на теле, где я могу позволить себя расцарапать – это спина.

Я видела, что он забавляется. И это было привычным его поведением. Но то ли голос его прозвучал как-то не так, как обычно, то ли я перенервничала от глубокого погружения в воспоминания, но ничего забавного в его словах не нашла.

Несмотря на искорки веселья в карих глазах и беззаботный тон, заявление Никиты прозвучало совсем не как шутка. Скорее оно было намеком или... предупреждением.

Высвободив из захвата ладонь, я поспешила в дом. И сделала вид, что не расслышала фразы, которая прозвучала мне вслед:

– Умная девочка. Не при маме.

Глава № 3

Мы с мамой Никиты сидели на террасе, смотрели на хвойные аккуратные кусты и деревья, приятные глазу, пили вкусный чай с не менее вкусными конфетами, вполне беззаботно болтали, пока мужчины говорили о чем-то своем, но я то и дело тихонько вздыхала.

Нет, Инга Викторовна – приятная женщина, и я рада была увидеть, что, несмотря на рост достатка мужа, она не изменилась. Мне кажется, она даже внешне осталась прежней – молодой, красивой, и ее светлых волос пока еще не коснулась седина. И отец Никиты, Иван Петрович, остался, как и раньше, – просто молчаливым и замкнутым человеком, не превратившись в сноба. Его внешность, несмотря на то, что виделись мы довольно давно, также не подверглась серьезным корректировкам – только черные волосы тронула седина, и карий взгляд стал еще более цепким. А так – все тот же высокий и крепкий красавец, каким я его запомнила.

И приняли они меня очень тепло. И комната у меня была большая, светлая, и окна выходили на остатки окультуренного леса. А вздыхала я совсем по другому поводу. Просто зашевелились в моем сознании мысли, что Никита, назвав меня умной, сильно польстил. Да что там – откровенно солгал!

Он говорил, что пообещал родителям приехать на уик-энд

и потому отказаться уже не может. А на самом деле он приезжал сюда в гости, он здесь давно обосновался и жил! Я поняла это по его оговорке, да и Инга Викторовна успела похвастаться, что сын частенько составляет ей компанию во время утренних прогулок по лесу. Но это ладно, это нюанс. Небольшая хитрость мудрого восточного мужчины, как сказал бы сам Никита, если бы я поставила ему это в упрек. Хуже то, что я не только его понимала, но принимала с изрядной долей тихого восхищения – он схитрил себе во благо, и молодец, на его месте я бы от ненужного знакомства тоже попыталась отбиться любыми средствами.

Но что теперь делать мне?

Судя по всему, Инга Викторовна одобрила наши якобы романические отношения со своим младшим сыном. Иван Петрович, увидев меня, тоже недовольства не выказал – более того, заметно повеселел. Никита напрочь забыл о предстоящих знакомствах и активно вживался в роль влюблённого, ожидающего, когда на его чувства ответит любимая девушка. А любимая девушка, то есть я, ждала только одного – появления Филиппа.

Ждала и совершенно не представляла, как себя дальше вести. Я здесь из-за него, но с его братом. По легенде я присматриваюсь к Никите, но не уверена, что смогу хотя бы на миг отвести глаза от Филиппа.

Еще час назад все казалось гораздо проще и правильней – спасти друга, все выяснить для себя. А сейчас я настоль-

ко запуталась в своих мыслях, что в какой-то момент перестала отвечать на реплики мамы Никиты. Учитывая ее хорошие манеры, подозреваю, она довольно долго позволяла мне просто рассматривать ель, прежде чем вежливо заметила:

– Потерпи, Аня, уже завтра у нас будет оживленно и интересно.

– Завтра? – смущенно улыбнувшись, я снова вернулась из размышлений в реальность.

– Пикник, – напомнила она, поднимаясь. – Пикник завтра вечером. Это ведь из-за него Никита решился вывести ваши с ним отношения из тени на свет!

Я во все глаза смотрела на улыбающуюся женщину, а потом сообразила, что да, я правильно поняла. Пикник действительно только завтра! Более того, завтра вечером! А что тогда я делаю здесь сегодня?!

– Ну вот, – Инга Викторовна весело рассмеялась. – Сначала я запугала Никиту и он начал действовать. А теперь я сказала что-то, что насторожило тебя!

Я покачала головой, давая понять, что нет, не испугана, просто... Все, что я хотела сказать Никите, я не могла поведать его маме. Поэтому вновь кивнула и промолчала. А женщина вдруг склонилась ко мне, внимательно посмотрела в глаза и серьезно произнесла:

– Мои сыновья стоят того, чтобы за них побороться.

После чего она, как прежде, легко улыбнулась, подмигнула мне заговорщически и покинула террасу. А я снова в раз-

думьях усталилась на ель. Она сказала: «мои сыновья...». Не «Никита», не «мой сын», а – «мои сыновья»...

Она что, думает, что мне нравятся оба?!

И если даже и так... Ну, вдруг, хотя это полный бред... При чем здесь борьба и я?!

– Ты здесь уснула или просто заняла место для пикника? – вывел меня из задумчивости голос Никиты. Выйдя на террасу, друг склонился надо мной, внимательно всмотрелся в глаза и нагло усмехнулся, сообразив: – А, нет. Второй вариант отпадает: ты уже знаешь, что пикник будет завтра.

– И заметь, знаю не благодаря тебе... – Я только набрала в легкие воздуха, чтобы высказаться, как Никита отстранился и в два шага покинул террасу.

Спустя секунду он выглянул из-за стеклянной двери и заботливо посоветовал:

– Пока выдохни. Хочу застать тебя живой и здоровой.

Я медленно покачала головой. Никиту не переделать – какого-то подвоха и стоило ожидать. Уж кто-кто, а я за столько лет знакомства должна была догадаться. Впрочем, провести лишнюю ночь в таком красивом месте, как это – не самый худший сюрприз. Однажды в детстве Никита подбил меня встретить закат в заброшенном доме на отшибе деревни, а сам, пользуясь темнотой, сначала куда-то испарился, а потом подкрался и схватил меня сзади за шею – вот где были страх и ужас. Причем такой силы, что после этого просмотра заката бабушка обмолвилась, что волосы мои стали гораздо свет-

лее, чем раньше.

Конечно, на самом деле волосы просто выгорели – они и без того были светлыми, а я еще и все лето на солнце про-бегала. А замечание бабушки и закат в заброшенном доме просто совпали по времени, но я долго пилила Никиту, что теперь из-за него я почти седая, старенькая и никому не буду нужна.

– Вот и отлично! – не впечатлился он моим горем. – Не придется избивать конкурентов, когда я решу на тебе же-ниться.

– Каких конкурентов?! – вспылила я, пораженная его без-душностью. – В этой деревне из мужчин только ты и пять дедушек!

– Ну, так я же не говорю про здесь и сейчас, – отмахнулся он, но увидев, что я просто киплю от возмущения, рассме-ялся и успокоил: – Не грузись, Анька. Это я не всерьез. Я тебя просто утешить хотел!

Естественно, его предложение не могло быть серьезным. Мне тогда было лет тринадцать, и о мальчиках в таком се-рьезном ключе я даже не думала, не говоря про замужество. Но стало почему-то обидно, и несколько дней я не могла спо-койно смотреть на Никиту. И гулять не выходила, когда он приходил за мной в бабушкин дом. А потом все как-то быст-ро прошло и забылось.

Удивительно, что сейчас вспомнила. К чему вообще? Пу-стое. Как будто гребень из старинного бабушкиного сундука

достала, покрутила перед глазами и недоуменно вернула обратно. Ни к чему он. Непонятно зачем и лежит.

– За твою доброту и мое прощение! – Я снова так глубоко задумалась, что вздрогнула от голоса Никиты и недоуменно уставилась на золотую медальку, которую он протягивал. – Так, понятно, недосыпание. Моя ошибка.

Он зашуршал фольгой, поднес шоколадную медальку к моему рту и попросил:

– Открой.

Я с усмешкой посмотрела на шоколадку, и услышала тихое и вкрадчивое:

– Открой свой рот...

Надо мной образовалась тень, и, взглянув вверх, я увидела, что Никита взялся одной рукой за спинку кресла, таким образом нависнув надо мной и словно взяв меня в плен. Я хотела пошутить, сказать что-то забавное, но встретилась с ним глазами и вдруг почувствовала, что меня бросило в жар.

И поняла, что Никита это увидел.

Удивленно моргнула, сделала вдох и придумала уже, что сказать легкое и непринужденное, когда снова услышала:

– Открой рот. Ну же, сделай это! Я знаю, ты хочешь... Для меня... Ну же, Ань...

Большой палец Никиты прикоснулся к моей нижней губе, чуть раскрыл ее, и...

– Ну вот, – молниеносным движением медалька была закинута в мой рот, а Никита, отстранившись, довольно заме-

тил: — Я знал, что если что и вернет тебя ко мне и в реальность, то исключительно призыв шоколада!

То есть, эти его слова...

Тая, шоколад успокоил и вообще подействовал благотворно. Без него я бы запустила в Никиту чем-нибудь потяжелее, например, чашкой из-под чая, что находилась соблазнительно близко, а так облизала губу, наслаждаясь тем, как медленно его лицо покидает усмешка, а в глазах мелькает растерянность, как у меня пару минут назад, и, поднявшись, искренне поблагодарила:

— Спасибо. В реальность вернулась.

Я успела дойти до двери террасы, прежде чем Никита понял, что я действительно ухожу.

— Ань, ты куда?

— Ошибку твою исправлять, — зевнув, я вышла с террасы, проигнорировав ворчливое сомнение, что некоторые ошибки не так просто исправить, как хочется.

Не знаю, что Никита имел в виду, но у меня задуманное вполне получилось. Поднявшись в комнату, которую мне отвели, я легла в большую кровать и выключилась на пару часов. А проснувшись, поняла, что я снова в хорошем настроении и что у меня дежавю, потому что в изголовье кровати вольготно разместились Никита и очередная медалька.

— А эта за что? — перевернувшись на живот, я потянулась за сладостью.

— За то, что во сне не храпишь.

– А, заметил? И слюну не пускаю, – похвасталась я, и на подушку рядом с первой медалькой тут же была помещена и вторая.

Я с довольным видом забрала заслуженные награды, а вот когда увидела третью медальку, насторожилась.

– А эту как понимать?

– Как подкуп.

Глава № 4

Так как мы шли пешком, дорога к озеру на этот раз заняла больше времени. Но я с удовольствием дышала свежим воздухом, любовалась окружающей зеленью и с любопытством посматривала на людей, изредка мелькающих среди деревьев. Двух депутатов я, кажется, даже узнала. Впрочем, политика меня мало интересовала, так что я вполне могла ошибиться.

Никита ни на кого внимания не обращал – перекинув через плечо сумку, где уместилось все необходимое для купания, он бодро шагал впереди и смотрел исключительно перед собой.

Он вообще был непривычно задумчивым – подозреваю, из-за грядущего пикника. Собственно, чтобы его отвлечь, я и согласилась на эту авантюру, и за подкуп тоже исключительно из-за этого торговалась. Все ради друга. А иначе зачем бы я шла купаться на озеро, если купальника у меня нет, а плавать я не умею?

Это позже, когда Инга Викторовна вручила нам пакет с едой и проводила умильным взглядом, я поняла, что наша прогулка выглядит как желание уединиться. Но тоже хорошо: версия о том, что хотя бы один из нас неровно дышит к другому, невольно подкреплялась фактами.

– Так, – когда мы подошли к озеру, Никита осмотрелся. –

Давай выбирать, кто познакомит нас с русским фольклором.

Я обвела взглядом водную гладь и хмыкнула – за пару часов любители рыбалки обосновались не только со стороны дороги, а размножились по разным берегам. И теперь хоть где выбирай место для заплыва – все равно вспугнешь рыбу. А этого ни один рыбак не потерпит!

– Может, устроимся там? – я кивнула в сторону молодого паренька, который показался мне наименее безобидным, да и полянка неподалеку была симпатичной.

– Не нравится он мне, – нахмурился Никита и выжидающе уставился на меня.

– Если тебе обязательно надо это услышать, – фыркнула я, – то да, я тоже не могу сказать, что без ума от него!

– Так как твой выбор мы отмели, теперь выбираю я, – взяв меня за руку, Никита помог мне спуститься вниз и уверенно повел вдаль противоположного берега.

– А я снова просто присматриваюсь?

– Правильно, – похвалил Никита и неожиданно переплел наши пальцы.

Я бросила на него вопросительный взгляд, но он не обратил внимания ни на мое замешательство, ни на то, как именно соединились наши ладони. И я тоже отмахнулась от этого: мало ли? Да и идти было недалеко. К тому же, хоть мы тоже никогда не ходили рука в руке, я не видела, чтобы со своими подружками он вообще соприкасался ладонями при ходьбе. В те редкие моменты, когда какая-нибудь девушка

все же выходила из авто, они с Никитой держались просто рядом и при этом каждый был сам по себе.

Все, успокоилась. Значит, друзьям так можно.

– Добрый день, – поздоровался Никита с сухопарым и седовласым мужчиной, когда мы приблизились. – Как улов?

– Не такой классный, как у тебя, – хитро сверкнул глазами рыбак, но спрятал взгляд за шляпой и засобирился. – Ладно, купайтесь. И другим скажу, что свои. А то редко появляешься – могли не признать.

– Спасибо, Владимир Ильич, – поблагодарил Никита, подтвердив мою догадку, что они знакомы.

Мужчина довольно крикнул в усы, еще раз взглянул на меня и подхватил свое ведро с рыбой. Едва отойдя от нас, он достал из кармана потертых штанов айфон и сделал один короткий звонок, после чего все рыбаки звякнули ведрами, свернули удочки и покинули берега озера. Молодой парнишка, рядом с которым предлагала обосноваться я, тянул дольше всех и недовольно поглядывал в нашу сторону, но после второго звонка все же сложил пожитки.

– Кто это был? – удивленно глядя вслед уходящим рыбакам и Владимиру Ильичу, поинтересовалась я.

– Человек, который выкупил высохший участок болотца, оставшийся здесь, и превратил его в эту красоту. Хозяин озера.

– А почему он к тебе так относится?

– Потому что я тот человек, который помог это озеро ожи-

вить.

Никита сказал это без бахвальства, а так, просто и между прочим. Пока я переваривала новость, что ему интересны не только девушки и собственный бизнес, он достал из сумки покрывало, наш обед, свои шорты, полотенце, книгу, которую я обнаружила в своей комнате, мои солнцезащитные очки и тщетно искал что-то еще. Потом, не доверяя тактильным ощущениям, перевернул сумку и встряхнул ее.

– А где купальник? – воззрился он на меня.

– Я с собой не брала.

– То есть в твоём чемоданчике все-таки одни шоколадки? Так я и думал! А говорила, что захватила все самое необходимое!

– Ну, знаешь ли, – отвергла я необоснованные обвинения, – для того, кто плавать не умеет и за город выехал только с целью покрутиться под завистливыми женскими взглядами, купальник в списке необходимого занимает далеко не первое место!

– Здесь из ближайших магазинов только продуктовый и... еще один... В принципе, там купальники могут быть, но... – проигнорировав мои объяснения, пробормотал Никита себе под нос, а потом осмотрелся, поднялся и, взглянув на меня, потребовал: – Раздевайся!

– Вот так? Без прелюдии? – дурашливо пискнула я.

– Раздевайся, – хмыкнул он, – я, может, тоже хочу хоть одну свою ошибку исправить.

Сообразив, что Никита настроен серьезно, я начала потихоньку от него отдаляться. А заметив, что он сделал шаг что шаг этот, ясное дело, гораздо крупнее моего, сменила тактику – опустила голову и страдальчески протянула:

– Жалеешь, что не утопил меня в детстве?

– Жалею, что когда-то в детстве тебя пожалел, – сделав еще один шаг, он обхватил ладонями мое лицо, заставив посмотреть на себя. – Дважды.

Я задумалась. Как-то Никита уговорил меня записаться в бассейн, я еще по глупости у мамы абонемент на целых полгода выпросила, но после первого же посещения забросила и карточку, и бассейн. Мне казалось, что на нас с Никитой все смотрят, и если мальчики молчат, то девочки еще и хихикают. Так что ничего из этой затеи не вышло.

– Дважды не было, – заметила я.

Никита усмехнулся.

– Ну не было же!

Он пожал плечами: мол, думай, как хочешь. Но объяснять ничего не стал.

– Что ты имел в виду, когда говорил про второй раз? – зашла я с другой стороны.

– Раздевайся, – повторил он, тоже выбрав новый подход.

На этот раз это было не распоряжение, а шантаж. Он предлагал открыть какой-то древний и наверняка ничего не значащий секрет взамен моего послушания. Это же надо, до чего мы дошли! Просто ужас, когда люди знают друг друга так

хорошо!

– Ну? – поинтересовалась я, выйдя спустя пару минут из леса в одних черных шортиках и такого же цвета бюстгальтере. Пощелкав пальцами перед лицом вновь о чем-то задумавшегося друга, поправила бретельки, которые он рассматривал, и напомнила: – Открывай свой секрет!

– Потом, – он наконец-то моргнул и отмер.

И тут же...

Схватив меня за руку, Никита заставил меня не пройти, а буквально бегом побежать к озеру. Я так визжала! Показалось, что вода не просто холодная, а ледяная! А Никита хохотал без остановки, как душевно больной. Ну а после, за то, что все это вытерпела, он предложил обнять себя за шею и покатать меня.

– Ой, – прижавшись к нему сзади и случайно прикоснувшись к ногам, я опустила руки вниз и пощупала, чтобы убедиться. – Ты почему бриджи не снял?

– Забыл.

– Как это? – не поверила я и снова потрогала мокрую ткань, проверяя карманы. – Вроде бы ничего важного нет... И все равно, как можно было забыть о том, что надо снять бриджи?!

– Спорное утверждение насчет «важного», – хмыкнул Никита и косо взглянул на меня. – И еще, Ань, должен предупредить, что если ты продолжишь и дальше меня так поглаживать, я вообще вряд ли смогу снять с себя бриджи. Даже

если выйду на берег.

– Поче...

Ойкнув, я вытащила руки из передних карманов Никиты. А он снова расхохотался и, едва дождавшись, когда я обхватила его за шею, принялся вертеться из стороны в сторону, а потом вообще устроил заплыв, уже под мой хохот и визг.

– Хорошо тебе плавается? – поинтересовался Никита, когда я вдоволь насмеялась и накаталась.

– На тебе – хорошо, – ответила я печально, понимая, к чему он клонит.

– Ань, ты воды не боишься, – начал он с веских доводов. – Тебе нравится быть в воде.

– Только с тобой и в ванне.

– Со мной в ванне? – поддразнил мужчина.

– В ванне мне хорошо исключительно одной, а в озере – исключительно с тобой.

– Ой, Анька, ты целый день бросаешься такими утверждениями, что мне хочется не просто с тобой поспорить, а доказать, как сильно ты ошибаешься.

Вздохнув, он ловко подкинул меня, и я сама не заметила, что вишу уже не на спине, а у него на груди. И за шею, оказывается, опять успела обнять, и ногами вновь его обхватила.

– Нет, – встретившись с ним взглядом, я догадалась о его намерении начать учить меня плавать и качнула головой.

А почувствовав, что он все-таки меня отпускает, прижалась к нему теснее и сжала ноги у него за спиной.

– Давай попробуем, – уговаривал он. – Вот увидишь, тебе понравится.

– Нет. Я не готова. Не сейчас. Ну... давай забудем о твоей прошлой ошибке, и... Я прощаю тебя. Если хочешь – я готова сказать, что мне даже понравилось. Но с меня хватит. Ну, не мое это! Понимаешь? Не мое. Ты старался. Ты сделал все, что мог. И дело не в тебе. Это я. Проблема во мне, Никит. Но пусть все так и останется, а? Я не хочу...

– Надо, Анька, – он убрал у меня со лба мокрую прядь длинных волос. – Надо.

– Ну нет, Никит...

– Надо, – повторил он. – Потом сама мне спасибо скажешь.

Никита попытался отодрать меня от себя, но я вцепилась в него, прижалась к нему и вообще спряталась за него, вжав голову в его грудь. Он сделал парочку попыток – я не сдалась. Он, посмеиваясь, потянулся к моим ногам и... пощекотал мои пятки!

– Это подло! – пропищала я сквозь смех.

Нет, ну правда – нечестно пользоваться тем, что он знает о моей маленькой слабости.

– Иногда все средства хороши, – не смутился Никита. – Не дергайся. Не сопротивляйся. Быстрее начнем – быстрее и закончим.

– Не хочу, не хочу! – снова захныкала я, давась смехом от очередной порции щекотки.

А потом подняла голову вверх, случайно взглянула на берег и...

– Ань? – насторожился Никита, когда я перестала смеяться, бороться и сама с него соскользнула.

Вовремя обняв меня, чтобы не ушла под воду, он развернулся и увидел то, что привлекло мое внимание.

На нашем покрывале прямо в обуви стоял тот самый молодой парнишка-рыболов и, прищурившись, жевал длинную травинку. Потом выплюнул ее – опять же на наш коврик, ткнул ногой и едко выдавил:

– А я думаю: ради чего Владимир Ильич попросил всех уважаемых рыбаков уйти? А это, чтобы никто не видел, как тут одну девку пытаются уломать «дать»!

Я побледнела, понимая, что да, те слова, что я говорила, вполне можно трактовать, как любовные игры. И какое мне дело до мнения незнакомца? А неприятно. И холодно как-то стало. И противно – этот его взгляд...

Он смотрел и наверняка пытался угадать – усадил меня на себя Никита или нет, в трусиках я или уже без. А еще его улыбочка намекала, что он тоже не против присоединиться.

Это ощутила я. И это почувствовал Никита.

Успокаивающе погладив меня по щеке, он начал выходить на берег. Неспешно. Молча. Не показывая эмоций. Когда вода стала мне по грудь, он посмотрел на меня, убедился, что я его поняла без слов, и вышел на берег сам. Игнорируя незнакомца, ставшего в стойку, Никита подхватил полотен-

це и раскрыл его, предлагая теперь мне выходить из воды. Так как он стоял к парню спиной, я поспешила оказаться на берегу и завернуться в махровые объятия.

– Не холодно? – заботливо поинтересовался мой друг.

– Н-нет, – стуча зубами, ответила я.

Он усмехнулся, кивнул, принимая мой ответ. И развернулся к пареньку. Повел широкими плечами, разминая их. И еще раз. Ой, вот это его довели! Я бросила сочувственный взгляд в сторону незнакомца и шепнула одними губами:

– Беги!

Паренек переступил с ноги на ногу, немного изменился в лице, но совету не внял. Бедолага. Даже если бы Никита не был мастером спорта по кикбоксингу, разве не видно, что у них разные весовые категории? И неужели не заметно, что к нему присматривается хищник – обманчиво медлительный, а значит, готовящийся к атаке?

– Никит, – погладила его по спине. – Может, не надо?

– Почему же? По-моему, каждый должен получить по заслугам.

– Ну да, – вновь погладила его. – Просто... ну... такой день... И... ладно, я соглашусь! Я согласна на то, что ты предлагал!

Никита хмыкнул. Бросив на меня хитрый взгляд, он повел плечами, сбросив мои руки, и сокрушенно вздохнул, принимая игру:

– Поздно. Я теперь рассматриваю другое предложение по-

веселиться!

– Ты уверен? Вот так, мне отказываешь?

– Ну... ты от меня никуда не денешься, а он...

Никита сверкнул широченной улыбкой, от вида которой незадачливый рыболов сделал опасливый шаг назад и тут же предъявил претензии к нападающему:

– Почему ты в брюках?!

– Действительно, без них будет лучше, – Никита медленно расстегнул молнию бриджей, сделал шаг вперед и промурлыкал, заметив, как попятился непрошенный гость. – Куда ты? Мы же даже не начали!

– Беги! – выглянув из-за плеча друга, повторила я самоубийце.

И не знаю, то ли на этот раз он мне поверил, то ли одумался сам, то ли ему не понравилась улыбка Никиты, но он как-то резко отскочил в сторону с покрывала. И сразу отбежал еще на парочку метров. И еще на парочку. А уже потом, прикинув, что отсюда он сможет удрать наверняка, крикнул:

– Извращенцы!

Отбежал еще на несколько метров, обернулся, увидел, что Никита расстегивает пуговицу на бриджах, и добавил:

– Это подло!

Проводив его взглядом, Никита снял бриджи и задумался:

– Как думаешь, подло то, что я согнал его с нашего покрывала?

– Нет, – хихикнула я, – судя по его шокированной физио-

номии, подлю, что ты так многообещающе смотрел на него, так эффектно вжикнул молнией бриджей, но не стал его догонять!

Глава № 5

Пока я крутилась на солнышке, обсыхая, Никита снял бриджи и повесил их на куст, вытряхнул покрывало, потом осмотрел его, нахмурился и перевернул на другую сторону. Услышав, как он начал доставать еду, которой нас снабдила Инга Викторовна, я жадно повела носом и поспешила к нему.

– Отбивные! – с восторгом уставилась на любимое лакомство. – Никит, твоя мама – настоящее чудо!

– А кто заказывал? – хитро прищурившись, потребовал он и свою порцию похвалы. – Кто отогнал назойливого «комара», который был близок к тому, чтобы все растоптать?

– Ты, мой рыцарь!

Потянувшись на другой конец покрывала, я чмокнула друга в щеку и увернулась от его ладони. Скорее всего, он ожидал подвоха и собирался оттолкнуть меня, но я оказалась проворней и, молниеносно вернувшись на свое место, с усмешкой наблюдала, как медленно опускается его рука.

Доли секунды Никита задумчиво взирал на нашу «скатерть-самобранку», а потом сел по-турецки и потребовал:

– В следующий раз, когда захочешь меня искренне поблагодарить, учитывай, пожалуйста, мое происхождение. При чем тут рыцарь? Где Англия и где Восток? Говори просто – «Мой повелитель».

– Хорошо, – положив на кусочек хлеба отбивную, как мне нравилось больше всего, я прикрыла глаза и миролюбиво полюбопытствовала: – А что прикажешь делать, когда я захочу тебя придушить?

– Сдержись!

– Вряд ли это возможно. Такой соблазн...

– Эх, Анька, – Никита длинно вздохнул, – что бы ты еще понимала в соблазне...

Оторвавшись от отбивной, я посмотрела на друга и рассмеялась, заметив, что он печально смотрит на озеро и крутит в руках вилку.

– Позволь накормить тебя, мой повелитель! – изобразив поклон, я потянулась к снеди.

Итак, кроме отбивных у нас имелись: бутылка красного вина, штопор, бутерброды с копченой колбасой и сыром, бутерброды с лососем и зеленью и какой-то салат. А еще не пластиковые, а настоящие тарелки, бокалы, вилки и ножи. Последняя находка заставила с грустью подумать, что если они присутствуют даже на таком вот спонтанном перекусе на природе, то обязательно будут в доме во время ужина. И не в ящичке, а на столе.

Нет, пользоваться ножом я умела, но не любила – у меня этот процесс напрочь убивал аппетит. Не знаю почему, но факт. К счастью, мне нечасто доводилось бывать за одним столом с людьми, которые строго следили за манерами гостей. Обычно всем было без разницы, что в моей тарелке

ножом орудует Никита.

Мы так привыкли.

И нам так казалось правильным.

Хотя, конечно, в доме его родителей все будет иначе. Тем более, с этой легендой, что мы почти пара...

Парой Никиты не может быть девушка, которая не способна управляться со столовыми приборами. А объяснять кому-то то, чего я сама не могу понять... ну... мы ведь не на сеанс психоанализа приехали.

Ничего, мне бы только ночь продержаться и день просто-вать!

К тому же с таким пикником голод точно не угрожает.

Никита принял от меня тарелку с отбивной и салатом, благодарно кивнул, когда я подвинула поближе к нему бутерброды с лососем и нож. Я с интересом наблюдала за тем, как он ест – спокойно, медленно, даже в боксерах и такой позе филигранно орудуя ножом и вилкой. А еще он не приронул к салфеткам – они ему не были нужны, в то время как я перевела уже две или три.

– Что? – заметив мой взгляд, поинтересовался Никита. Я пожала плечами: мол, так, пустяк, и тогда он с усмешкой предложил: – Одна медаль за твои мысли. Только честно. Сейчас.

Я снова пожала плечами, а потом подумала, что ничего в этом нет криминального, и призналась:

– Подумалось, что, если бы мы не были знакомы так дав-

но, и если бы некоторые мои странности, – кивнула на второй нетронутый нож, – не стали нашей совместной привычкой, я бы, наверное, ужасно комплексовала рядом с тобой.

– С чего бы? – подхватив на вилку дольку огурца, он окунул его в подсолнечное масло и овощной сок, неспешно поднес к губам и...

Ему пришлось не раз дернуть вилкой, чтобы маленькая масляная капелька все же нехотя соскользнула с огурца и приземлилась к нему на грудь.

– Именно из-за этого! – рассмеявшись, я взяла салфетку, потянулась чуть вперед и тут же вытерла заблестевшую каплю. – Иногда мне кажется, что ты – идеален!

Положив ладонь поверх моей, Никита прижал ее сильнее к своей груди. Я послушно провела салфеткой еще раз. И еще разок, потому что он не отпускал.

– Повелитель все еще не удовлетворен? – пошутила я.

– Все еще, – согласился он и разжал пальцы, позволяя мне отодвинуться, а потом добавил как-то задумчиво и вроде бы ни к чему: – И давно.

– Печаль, – я снова попыталась вернуть разговор в веселое русло. – А подскажет ли Повелитель, что может ему помочь?

Никита задумался, и я увидела, что задумался всерьез.

– Сложный вопрос, – наконец изрек он, открыл бутылку, наполнил бокал и протянул мне с коварной улыбкой. – Возможно, если у нас появится новая совместная привычка...

– Пить?

Приняв бокал, я пригубила вино.

Оно оказалось вкусным, и я с удовольствием сделала еще один глоток. И еще. Я почти осушила бокал, когда поняла, что ответа так и не услышала. Хотела уточнить, но взглянув на Никиту, увидела, что над ним нависает тень. А потом рассмотрела и того, кто эту тень отбрасывал. Не знаю, почему я не закричала. Наверное, не успела. А может, это был шок. Если искренне и откровенно, наверное, все же шок, потому что то, что я увидела, было страшным.

Позади Никиты стоял мужчина – темноволосый, взъерошенный, очень высокий, в тот момент мне показалось, что он ростом почти вровень с лесными дубами. Его плечи были настолько широкими, что заслоняли солнечный диск, лениво свисающий с неба. Одежда защитного цвета, как у военных, через плечо перекинута ружье, за поясом футболки, обтягивающей массивный торс, отчетливо виднелся огромный нож. Но больше всего испугало меня лицо. Широкое, скуластое, оно могло показаться обычным, если бы не ужасные белые шрамы, исполозовавшие всю правую щеку и нелепо приподнявшие верхнюю губу.

А еще глаза.

Цвета их я не видела – незнакомец стоял против солнца, но у меня по спине холодок прошелся от того, как пристально он смотрел на меня. И то и дело казалось, что вот сейчас его губа приподнимется еще выше, и я увижу звериный оскал. Сейчас, вот сейчас...

Никита же продолжал спокойно есть, не подозревая об угрозе. И только заметив, что я потянулась за ножом, положил свою ладонь поверх моей и качнул головой.

– Не поможет, – сказал с мягкой усмешкой.

Ну да, естественно, если я не могу справиться с отбивной...

– Кирилл, – обратился он к «чудовищу», не оборачиваясь, – ты закрыл от меня солнце, а мы наступление вечера пока не торопим.

– Еще бы, – откликнулся тот на удивление приятным голосом и сдвинулся на пару шагов, продолжая меня рассматривать.

– Аня, это Кирилл – местный егерь и мой приятель, – начал церемонию знакомства Никита. – Кирилл – это Аня, моя девушка.

– И друг, – зачем-то добавила я. – Очень при...

– Да уж я заметил, насколько вам приятно, – перебил мужчина, но не зло, а по-доброму, продолжая все так же нависать над нами и рассматривать исключительно меня. – А что друг – это хорошо. Многое со временем растворяется и уходит, и только потом понимаешь, что жил с чужим человеком. А друг – изначально душа близкая. Это хорошо, что у вас сразу все ясно.

– Ну да, – поддакнула я.

– Кое-что еще проясняем, – поймав мой удивленный взгляд, Никита весело подмигнул мне.

Ну ладно, если он хочет рассказывать легенду о наших отношениях не только родителям, но и приятелю – его личное дело.

– Хорошая пара, и посмотреть любо, – объявил егерь и принялся оглядывать окрестности.

Поддавшись любопытству, я тоже завертела головой, ища ту самую пару, а Никита улучил момент и легонько щелкнул меня по носу.

– Это мы.

– Что мы? – не поняла я.

А он рассмеялся и не стал пояснять: мол, думай сама. Я снова покрутила головой, а потом до меня дошло, и я смущенно взглянула на егеря. А тот вдруг улыбнулся, и... не было у него клыков. Вообще, я таких белых зубов ни у кого даже после процедуры отбеливания не видела.

– От прошлой жизни остались, – заметив мой интерес, пояснил он, а потом тряхнул шевелюрой, словно отмахиваясь от дурных воспоминаний. – Так, ладно, пора мне. Ну и где же они? Все тихо...

– Кого ищешь? – поинтересовался Никита.

– Да жалоба поступила от одного рыбака-любителя. Все рыбу ловят, а он неприятности. То страшная змея его преследует, и приходится спасать от его воплей ужа. То на ос у него аллергия, а сам литрами мед ест, приманивает их, а потом бежит по дому с электрической мухобойкой. То кузнечики ему спать мешают, и он после ночной погони за ними

ломает ногу. То вот встретил меня с полчаса назад и сказал, что на него извращенцы напали. Это в нашем мирном поселке, представляете? Хотели его даже рыбацкой чести лишить, но он их покалечил и гордо удрал. Так вот я и ищу тех «злодеев», которые на этого дуралея напоролись. От него одни неприятности – а ну как теперь и люди пострадали из-за того, что ему опять что-то привиделось?

Мы с Никитой переглянулись – у меня и так щеки от сдерживаемого смеха едва не трескались, а когда я увидела его хитрющую улыбку, стало еще труднее. Как будто он легонько пощекотал меня. Но я медленно выдохнула и кое-как успокоилась.

– Вы тут никаких извращенцев не встречали? – поинтересовался егерь.

– Здесь только мы, – честно ответил мой друг.

– Ну, вы – нормально, – Кирилл поправил ружье на плече, еще раз осмотрелся и, видимо, махнул рукой на свои поиски. – Заходите, раз вы здесь.

– Зайдем, – пообещал Никита.

Окинув нас одобрительным взглядом, егерь удалился, причем так же бесшумно и практически незаметно, как и пришел. Вот он был, а вот уже и растворился среди деревьев.

– Ну что, поплаваем?

Никита протянул мне руку, но я притворилась, что голодна, и вот... не уйду, пока все не доем. Не уйду, и все тут! С места не сдвинусь!

— Ладно, тогда я один, — на удивление покладисто отреагировал он.

Я довольно улыбнулась, а Никита поднялся, повел плечами и неспешно направился к озеру. У воды он остановился, разминая руки, потом обернулся ко мне, лукаво подмигнул и медленно двинулся вперед. У меня мелькнула мысль: почему, когда мы были вдвоем, он бежал, а теперь едва ноги переставляет. Но потом я засмотрелась на то, как золотит солнце его и без того загорелую кожу, с удивлением отметила, что у него есть талия, и...

Хорошо, что, когда вновь обернулся, он был уже далеко и не мог видеть, как вспыхнули мои щеки.

А то странно как-то.

Можно подумать, я ни разу не видела его в одних трусах!

Да даже если он снимет их (мало ли какая необходимость возникнет), меня это никак не смутит. Это же друг. Просто друг. Я видела его в разных ракурсах, разной одежде и состояниях.

И тем не менее то и дело взглядом искала его поверх водной глади.

Просто переживая. Ну да. Я же плавать так и не научилась, а вдруг судорога? А вдруг еще что страшнее? Русалки, к примеру. Нет, чушь! И все-таки...

— Никита! — крикнула, подбежав к озеру.

Он обернулся, махнул мне рукой и хотел поплыть дальше, но я повторила:

– Никита!

– Что случилось? – выскочил он на берег спустя пару секунд и тревожно осмотрелся по сторонам. – Ань?

– Ничего. Холодно просто.

Без лишних слов он поправил полотенце на моих плечах, освободил куст от своих все еще влажных бриджей, закинул их себе на плечо, а мне принес мой сарафан, висевший на ветке дерева.

Я уже успела одеться и собрать все в сумку, и Никита, закинув ее себе на плечо, оценил вес и хмыкнул:

– Так бы и сказала, что отбивные закончились!

Я улыбнулась, но вышло как-то нервно. Не знаю, почему. И говорить не хотелось, поэтому мы шли молча. В какой-то момент подул вечерний ветерок и я съежилась.

– Надела сарафан на влажное тело? – Никита прижал меня к своему боку, чтобы стало теплее, но его боксеры тоже были влажными, и я со смехом отстранилась. – Дом уже близко. Приготовлю тебе чай, закутаю в плед, и будет тепло.

– Хочу, – ожила я. – Так хорошо описал, что хочу. А плед какой будет?

– В клетку, – ответил он, потом вспомнил о моей любви к деталям и добавил: – Желто-розовую.

– Красиво, – мечтательно выдохнула я.

– И тепло, – авторитетно заявил он, в результате чего я сделала вывод, что плед его, личный.

Хотела уточнить, но вспомнила, что забыла спросить кое-

что более важное! И ведь могу снова забыть! А потом Никита отмахнется и не станет рассказывать, а мне было очень, просто очень любопытно. И вообще, тема пледа отошла на задний план: мне стало не просто тепло, а даже немного жарко — наверное, от ходьбы, мы уже подошли к воротам коттеджа.

— Никит, — окликнула друга, прежде чем мы вошли, а чтобы он не вздумал от меня ускользнуть, встала у него на пути.

Краем глаза заметила какое-то белое пятно у двери коттеджа и поняла, что надо спешить. А то вот позовет его мама, и все, и он с радостью избежит моего вопроса.

— Никит, — прикоснулась к его предплечью, привлекая внимание к себе. — А ты ведь так и не ответил, когда это пожалел меня во второй раз. Ну, помнишь? Ты сказал, что пожалел меня дважды. Первый раз был, когда я не захотела и ты не стал учить меня плавать. А второй?

Я замерла в ожидании ответа, а Никита опустил ресницы, словно пытаясь вспомнить, о чем это я, потом сделал шаг ко мне, обнял ладонями лицо и ответил:

— А второй раз был, когда я хотел, но не стал делать этого...

Он говорил негромко, и я невольно придвинулась ближе, чтобы расслышать. А он наклонился и... неожиданно прикоснулся губами к моим...

Глава № 6

Я не сразу поняла, что произошло. Как-то не ожидала, не была готова. Да и можно ли быть готовой к тому, что твой друг, твой лучший друг и вдруг... поцелуй...

Настоящий.

Когда его губы лишь прикоснулись к моим, я хмыкнула и уже хотела было увернуться, чтобы закидать его вопросами: «И когда же ты хотел это сделать?», «И почему это я, интересно, не в курсе?» Я представила, как мы погрузимся в древние воспоминания и посмеемся тому, какие странные мысли лезли когда-то в голову, но Никита лишь сильнее обхватил ладонями мое лицо, приближая к себе, не позволяя вырваться.

С удивлением ощутила, как прошелся по моей нижней губе его горячий язык, и еще была возможность остановить это, но...

Я успела сделать лишь вдох, прежде чем поцелуй стал напористым и потребовал обратно мое дыхание, а языку Никиты уже было мало одних моих губ. Не знаю, в какой момент я ответила. Возможно, когда языки наши соприкоснулись и отторжения не возникло.

Не было неприятия, не было суматошных мыслей, типа кто мы друг другу и что друзья, мол, так себя не ведут.

Не было никаких мыслей вовсе. Я слышала чье-то гром-

кое сердцебиение, но не могла четко определить, чье сердце зашлось в бешеном ритме. Да и не хотела этого. Я слышала слегка удивленный стон, но понятия не имела, чей именно. Одного из нас – значит, наш.

Никто из нас не заметил и не услышал, как упали на землю влажные мосты Никиты. Да и то, что сам он обсох еще не полностью, уже не мешало. Поцелуи были такими жаркими, что голова закружилась, и я схватилась за предплечья Никиты. Мне казалось, что еще немного, и я упаду. Я упаду, а куда... не знаю, но была уверена, что если он закружит меня сильнее, я рухну и мне будет больно.

Чувствуя, что задыхаюсь, Никита позволил мне сделать вдох, и именно он качнул не только воздух в легкие, но и меня обратно в реальность.

– Никит... – выдохнула в губы мужчины и прижала горячее лицо к его шее, прекращая это внезапное погружение в бездну.

Он провел рукой по моим волосам, привычно зарылся в них пятерней и погладил. Мне всегда нравилось, когда он так делал. Но ни разу я не ощущала, насколько это интимно и насколько кричит о том, что мы хоть и друзья, но все-таки женщина и мужчина.

Я собиралась отстраниться – отдышусь, и щеки мои перестанут напоминать по цвету закатное солнце. И смогу спокойно отшутиться, когда мы с Никитой встретимся взглядами. Одну секундочку только, и все.

Друзья могут позволить себе обнимать друг друга. Объятия в дружбе ничего не изменят. Но массаж головы, который продолжал делать Никитой заставил закрыть глаза от блаженства. Он как будто знал это и не хотел выпускать меня из состояния странной неги.

Не знаю, сколько бы мне понадобилось времени, чтобы самой отойти от Никиты, если бы нас не прервали.

– Значит, это правда, – послышался мужской голос за моей спиной. – Вы по-настоящему встречаетесь.

И несмотря на то, что я долго не слышала этого человека, я узнала его. Конечно, узнала. Как могло быть иначе? А сердце, чуть успокоившееся, снова забилось сильнее и попыталось выпрыгнуть из груди следом за уходящим мужчиной.

Я слышала, как затихают его шаги, но не могла заставить себя обернуться и посмотреть на него. И Никита все еще обнимал меня, и я была не готова, что встреча произойдет именно сегодня. Пожалуй, до конца и не верила, что вообще когда-либо снова увижу его. Но он вернулся.

Он здесь.

Медленно выдохнув, я нерешительно высвободилась из рук Никиты и посмотрела на высокого светловолосого мужчину, который как раз заворачивал за угол дома. Как всегда, в неизменно светлом – белая рубашка, выбеленные джинсы до щиколоток, мягкие белые слипоны. Несмотря на то, что он сам – блондин, белое не превращало его в одно цветное пятно. Оно умело подчеркивало – его рост, худощавую фи-

гуру, утонченное, я бы даже сказала, аристократическое лицо и глаза – чайного цвета.

Филипп.

Я могла раньше понять, что он уже здесь. Тепло, которое я ощутила, когда мы были почти у самого дома. Мне всегда становилось тепло, когда он оказывался поблизости, даже если мы еще не видели друг друга, но через пару минут пересекались.

А сейчас, когда он скрылся из виду, я снова почувствовала, что обсохла не до конца и что мне холодно.

Глядя на угол коттеджа, за которым скрылся Филипп, я отчетливо ощутила промелькнувшее между мной и Никитой напряжение. Надо было что-то сказать, как-то отреагировать, а я стояла и смотрела на сплошное белое пятно, в какое на время превратился дом.

Белую. Так-так... Странное совпадение или?..

Такие глупые мысли. Какая разница, какого цвета дом и почему он такой? Впрочем, когда Филипп рядом, я всегда словно чуть-чуть не в себе. А стоит ему удалиться, снова становлюсь сама собой, будто кто-то переключает мое настроение и состояние.

Вот и сейчас, едва Филипп растворился в дали горизонта, я словно очнулась.

Обернувшись к Никите, встретила с карим взглядом. Усмехнулась, заметив промелькнувшее в глазах беспокойство, и взяла его за руку.

– Дай погреться!

Его ладонь была горячей и с охотно отдавала тепло. Мне хватило нескольких секунд, чтобы перестать дрожать.

– Все, – объявила мужчине, – я согрелась и способна снова думать спокойно и логично.

– Быстро как, – многозначительно хмыкнул тот.

– Итак... – начала рассудительно я. – Мы поцеловались. С кем не бывает?

– С нами до сих пор не бывало, – Никита явно не старался облегчить мне задачу.

– Да, – кивнула я, не поддавшись на провокацию. – Ну... вот мы и... попробовали, так сказать, то, чего себя так долго лишали...

Черноволосый «лишенец», стоящий напротив, окинул меня таким странным взглядом, что я запнулась. Легкая усмешка коснулась края его губ, он отвернулся, поднял упавшие биджи и стал увлеченно стряхивать с них несуществующую пыль.

– Никакой трагедии не произошло, – продолжила я уверенней. – Ведь так?

– Если не считать внезапного появления моего брата, – внес поправку Никита.

– А оно было внезапным? – позволила себе усомниться, вспомнив о белом пятне, которое мельком увидела на крыльце коттеджа.

– Конечно, – сообразив, наконец, что на такой чистой до-

рожке пыли просто не водится, мужчина перестал махать перед моим лицом штанами и взглянул на меня. – Филипп заказывал билеты на завтрашний послеобеденный рейс, а прилетел сегодня.

– И почему же он...

В мыслях пронеслось абсурдное предположение, что Филипп знал о моем присутствии в загородном доме, и о том, в качестве кого я здесь нахожусь и поспешил, чтобы отбить меня у младшего брата. Ага, два года даже не вспоминал и вдруг прозрел. Нереально. В такой сказочный поворот я не верила. К тому же единственное, что он действительно поспешил сделать, увидев меня, – это отойти.

– А зачем же он... – повторила как в трансе.

– Самому интересно. – Заметив, что я снова мелко дрожу, Никита взял меня за руку и толкнул открытые ворота: – Пойдем выясним?

– Должна заметить, – сказала я, расставляя все точки над «i», – что на словах я тоже неплохо информацию воспринимаю. Так что в следующий раз можешь не проводить показательную демонстрацию, а просто сказать. Я пойму. Правда, пойму.

– Хорошо, – легко согласился мой друг, но не успела я порадоваться такой необычной покладистости, как он добавил в медовую бочку ложку дегтя. – Но должен сказать в свою очередь: состояние, когда ты отключаешь логику и мысли, тебе больше к лицу.

Недоуменно обернулась к мужчине, а он усмехнулся, щелкнул меня по носу и открыл дверь коттеджа, приглашая войти.

– Пойду переоденусь, – я начала подниматься по лестнице на второй этаж, а обернувшись на ступеньках, наткнулась на возмущенный взгляд Никиты, идущего следом.

– Что?! – воскликнул дурашливо он. – Мы соседи! Нам по пути!

– Знаю, – облегченно рассмеявшись, что все так быстро вернулось к привычному и удобному, я продолжила подъем.

– Хорошо погуляли, – спускаясь навстречу нам, улыбнулась Инга Викторовна.

– Хорошо, – подтвердила я.

Женщина улыбнулась шире, спустилась вниз и свернула в гостиную. Возможно, вышла через террасу к старшему сыну.

Мы же с Никитой обменялись улыбками у дверей комнат и разошлись на неопределенное время. Хорошо, что поцелуй между нами ничего не испортил. Хорошо, что мы смогли поговорить, а не закрылись друг от друга. Да и что такое этот поцелуй? Как летний дождь – был и не был. Вроде бы накрывает все небо, а проходит минута, и на асфальте даже и следа не остается.

Приняв душ, я выбрала из своего небогатого гардероба платье, которое приберегала для пикника. Достав из сумочки пудру и блеск, подошла к большому зеркалу в комнате, припудрила кисть и изумленно ахнула, увидев свое отраже-

ние.

Влажные длинные волосы, чуть спутанные после душа, – это нормально. Небольшое покраснение на лбу после нескольких часов на солнце тоже легко уберется и быстро пройдет. А вот заметно припухшие губы и покрасневшая вокруг них нежная кожа...

Теперь понятно, что Инга Викторовна не спрашивала: хорошо ли мы отдохнули. Увидев меня, она просто не сомневалась, что хорошо!

О-хох...

Какой летний дождь? Эти последствия можно сравнить только с ливнем, когда как бы ты ни старалась идти осторожно и под зонтом, а все равно придешь мокрой и в грязных джинсах!

Никогда на моем лице не было столько пудры, и все же следы поцелуя оставались видны.

– Хрю, – удрученно выдала я, глядя на красный пяточок, лишь чуть-чуть побледневший, да и то благодаря моим усилиям и дорогой пудре. – Хрю-хрю.

– О, – открыв дверь, в комнату заглянул Никита, – какая жесткая самокритика! Я что, получается, зря тебе шоколадку несу?

Знакомый шорох бумаги и фольги мгновенно улучшил настроение, но оборачиваться я не торопилась. Снова обмакнула кисть в пудру, внимательно присмотрелась к своему отражению, а через пару мгновений и к отражению Никиты,

стоявшего позади меня с довольным видом.

– Вот! – обвинительно ткнула кисточкой в зеркало и высказала претензию. – Бриться надо чаще. Особенно, если целуешься. Щетина колет!

– Да? – глаза Никиты округлились, он дотронулся рукой до моего подбородка и тут же одернул руку. – Ай! Правда колет! А я в первый раз не заметил!

Он вновь потянулся к моему лицу, но я увернулась.

– Пусть первый раз будет последним!

– А за шоколадку?

Никита покрутил в руках мое любимое лакомство – заметив обертку, я тут же растаяла и простила ему несовершенство своего отражения. Пухлые силиконовые губы хоть и вышли из моды, но гонениям не подвергались, а пяточок... Мало ли какую гадость сейчас добавляют в дневной крем?

– Хорошая шоколадка, – не спешил отдавать сладость Никита. – Твоя любимая. Итак?

– Что «итак»?

– Анька, не притворяйся! – Никита сурово сдвинул черные брови и потребовал: – Договариваемся, через подкуп, что первый раз не будет последним!

– С ума сошел? – рассмеялась я.

Никита хотел что-то ответить, но я почувствовала волну жара, обдавшую лицо, и поспешила к распахнутому окну. А там, вместо того чтобы глотнуть воздуха, медленно выдохнула, заметив Филиппа, вышедшего через задние ворота и

удаляющегося в сторону леса под руку с мамой.

Опять...

Моя реакция на него...

Вот он что-то сказал, и женщина весело рассмеялась, а он улыбнулся. А вот что-то сказала Инга Викторовна, и рассмеялся Филипп. Я не замечала, что улыбаюсь, наблюдая за ним, пока не обернулась, услышав звук закрывающейся двери.

Только тогда я увидела в зеркале глупо-счастливое выражение своего лица, пустую комнату и шоколад, оставленный Никитой на подоконнике.

Глава № 7

Я и до этого считала, что из моей комнаты открывается превосходный вид, а теперь, глядя как в зелени леса растворяются два силуэта, окончательно убедилась в этом. Как же Филипп сильно похож на маму! И внешне, и в любви к светлым тонам, и даже их смех казался одинаково заразительным.

Тропинка давно увела обоих в глубь леса, а я все еще будто слышала, как весело смеется мужчина под окнами дома.

Может, магия. Светлая, удивительная. Помнится, бабуля говорила, что эти места волшебные, заговоренные. А может, все куда прозаичней – впервые я видела, чтобы Филипп смеялся.

Обычно он был спокойным, рассудительным, отстраненным, чуточку даже высокомерным. И обычно он был от меня далеко. Даже если я могла протянуть руку и коснуться его.

Мы вообще прикасались друг к другу лишь раз. Да и то он, наверняка, и не помнит этого, внимания не обратил.

Еще бы! Кто он и кто я?

Он – студент последнего курса, гордость не только факультета, но всего универа, никто не сомневался, что его ожидает блестящая карьера в политике, он уже делал уверенные шаги в этом направлении. А я – первокурсница, привлекавшая внимание декана свежеекрашенными, единствен-

ный раз в жизни завитыми рыжими кудряшками и отправленная им на сцену за каким-то таинственным ключом знаний.

– Просто выйдешь и заберешь его, – декан воспользовался своим авторитетом, моей растерянностью и отсутствием Никиты. – Поняла? Ничего страшного или необычного. Просто выйдешь и заберешь.

Заведя меня в актовый зал, где происходило праздничное посвящение первокурсников в ряды студентов, он заговаривал мне зубы, рассказывая, что такая традиция и что это почетно. Мол, каждый год ключ знаний передается самому яркому представителю первого курса, и тут даже сомнений нет, что самая яркая я!

Отказаться я не могу, да и зачем? Это же честь, которая возвысит меня в глазах преподавателей, а с ними мне общаться еще целых пять лет! К тому же уговаривал меня сам декан факультета! И тоже давал обещание, что вовек не забудет, потому что та девушка, которую они выбрали до меня, была не менее яркой, но почему-то вообще не пришла! Это же надо, так безответственно. Это просто недопустимо, не прийти в университет в первый день обучения!

Забивая голову пустой информацией, декан подвел меня к сцене, а когда я замешкалась, подтолкнул к маленькой лесенке. Сделав первый шаг, я, не привыкшая к публичным выступлениям, запаниковала и перестала видеть хоть что-либо – перед глазами была только белесая пелена. Ноги онемели,

я не могла сообразить, как можно передвигаться, что надо для этого делать. Меня начало шатать из стороны в сторону, и я уже приготовилась к тому, что обязательно упаду. Вот так, неловко, у подножья сцены и на глазах у всех, под громкий радостный голос ведущего церемонии посвящения.

Но распахнулась дверь, впуская забежавшего человека, и я, кажется, даже дыхание его слышала. А когда увидела улыбку, окончательно успокоилась. Никита. Пришел, как и обещал. Успел.

Мгновенно успокоившись, я взлетела по лесенке и улыбнулась ведущему, громко заголосившему, что сейчас произойдет незабываемое событие, очень важное для всего университета. Никита засвистел и зааплодировал, чем тут же спровоцировал конфликт с теми, кто считал, что воспитанные ребята так себя не ведут. Отвлекшись на него, я не могла понять, почему и зачем с другой стороны сцены ко мне кто-то уверенно направляется. Парень. Какой-то парень.

В тот момент было не до него – Никита и двое других ребят выходили из зала, и я поняла, что предстоит разборка. А я оставалась на сцене. И рядом со мной стоял незнакомец. Я удивленно взглянула на его длинные пальцы и странный знак, который он небрежно держал.

К чему это?

Хотелось не просто уйти, а сбежать.

Но когда я подняла глаза вверх...

Не скажу за весь универ, но для меня незабываемое собы-

тие произошло именно в тот момент.

А еще я как-то вдруг поняла, что бежать уже поздно.

Странно. Занятая другими мыслями, переживая за друга, я лишь мазнула взглядом по лицу незнакомца. И только ощутив, как загорелись щеки, посмотрела еще раз, отстраненно отмечая: ничего особенного, лицо слишком худое, чтобы можно было назвать красивым. И бледное, что мне, привыкшей и самой загорать, и постоянно лицезреть перед собой смуглого от загара Никиту, казалось не больно-то привлекательным. Светлые волосы, светлые брови, светлая одежда – взгляд заскользил, не найдя, за что зацепиться, но когда я посмотрела в глаза незнакомцу, отчетливо услышала бой курантов лондонского Биг Бена.

У него были глаза не просто чайного цвета, а цвета дорогого, элитного чая. Чая, который бы с удовольствием на расвете пила сама королева.

Я так на этом заиклилась, что машинально приняла ключ знаний, сошла со сцены под громкие аплодисменты первокурсников и преподавателей и села в кресло на одном из рядов. И только когда все закончилось и декан подошел ко мне за ключом, я закрутила головой, пытаясь высмотреть того незнакомца. Мне надо было еще раз взглянуть на него, проверить, понять, убедиться!

Но единственное, что я успела увидеть, – это то, как молодой человек с фигурой, очень похожей на его, только что вышел за дверь.

Следом за ним поспешила толпа первокурсников, потянулись важно преподаватели, а я стояла у кресла, боясь шевельнуться.

– Понравился концерт? – заметив, что я не хочу уходить, польщенно улыбнулся декан.

Я даже не знала, что после того, как ключ знаний был передан, состоялся какой-то концерт. Ничего не могла вспомнить из того, что было после моего ухода со сцены. И после того, как сцену покинул ОН.

– Будет еще, – пообещал декан, а поймав мой недоуменный взгляд, пояснил: – Концерт еще будет. А сейчас надо освободить помещение.

Мне казалось, что если я выйду за эту дверь, то все. Все, и точка. Я больше не увижу незнакомца, которого мне крайне важно было увидеть еще хоть раз. А если и увижу, то просто не смогу узнать. Потому что единственное, что я запомнила, – светлые волосы, рост и глаза.

Слишком незначительные приметы, чтобы узнать человека среди более чем тридцати тысяч студентов.

Немного приободрилась, вспомнив из суетного рассказа декана, что поразивший меня незнакомец – студент последнего курса и учится на одном со мной факультете. И тут же потухла, когда поняла, что не смогу к нему подойти.

Даже если найду, не смогу.

Не по мне это. Не привыкла сама подходить к парням. Не умею сама знакомиться.

Может, потому, что раньше никогда такого желания не возникало. Может, потому, что мама с бабушкой еще с детства внушили мне: несмотря на современные нравы, первым подходить и проявлять интерес и инициативу должен мужчина. А может, потому, что со мной почти всегда был Никита, а другие парни и в другом качестве меня пока не интересовали.

– Пойдем, пойдем, – уговаривал декан, и я, бросив прощальный взгляд на сцену, послушно направилась к выходу.

Декан снова что-то увлеченно говорил, я шла рядом с ним и кивала, а сама думала: хоть бы не расплакаться! Хоть бы не разреветься! Ну, подумаешь, что-то там показалось! Не было ничего. Не было и не может быть!

Первый раз увидела мужчину, толком не рассмотрела, а мысли уже закружились. Да так, что я и о Никите забыла!

Терзаемая запоздалым чувством вины, я выскочила из зала, не зная, куда бежать, чтобы спасти лучшего друга, но увидела его подпирающим подоконник. Он был целым, невредимым и, судя по улыбке, в приятной компании.

– Анька, знакомься, – развернул ко мне брюнетку, зарывшуюся у него под мышкой, – это Мила.

– Очень мило, – проямлила я, высматривая на его лице следы избиений.

– Да уж я вижу, – буркнула девушка.

Не обнаружив на лице друга даже царапины, облегченно выдохнула и только после этого посмотрела на барышню, ко-

торая стояла с таким выражением, как будто наелась кислого лимона.

— Анька — мой друг, — рассмеялся Никита. — Так что нечего ревновать!

Провокационно взглянув на меня, девушка решила проверить и снова зарылась лицом под мышку Никиты.

— Я мылся! — он поднял вверх руки, как бы сдаваясь, а на самом деле, чтобы ей некуда было прятать свое лицо. — Честное слово, я мылся! И дезодорант у меня надежный!

— Но он тебя не спасет, — заметив, что девушка настойчиво льнет уже хотя бы к изгибу его руки, буркнула я.

— Да уж, — поддакнул Никита.

Девушку он не стал с себя стряхивать — в этот день как-то вытерпел. Несколько раз, идя с пары на пару, мы пересекались в коридоре многочисленных корпусов, и я видела, как она на нем висла. Но к концу занятий он ждал меня у главного здания универа один.

— Все? — спросила я, заметив его беззаботную улыбку.

— Все, — не уточняя, что имею в виду, отчитался он.

Я знала, что больше они встречаться не будут. Никита никогда не давал второго шанса ни девушкам, ни себе, и если кто-нибудь из них уходил, то без права возврата. Хотя это я, конечно, загнула, описывая его благородство. Всегда уходил Никита. Девушки или не хотели, или (хватит тешить его самолюбие) просто не успевали.

Так как мы с Никитой общались давно и плотно, я зна-

ла всех его барышень. Некоторые из них пытались после со мной дружить, но я честно предупреждала, что женская дружба не для меня. А вскоре и они убеждались, что такая дружба, когда нечего поиметь, а я, бессердечная стерва, даже словечко бывшему за них не шепну, им тоже не интересна!

Но те девушки не принимали меня за врага и соперницу. А эта, я знала, не придет ко мне. Вбила себе что-то в голову. Что-то ей там померещилось, показала свой скверный характер. И чего в итоге добилась? Никита навязчивости не переносил.

Возможно, мы потому и сошлись, и стали близки, что не навязывались друг другу.

И то, что я поступила в один вуз с Никитой, было лишь совпадением. И то, что он, прервав мои объяснения, что хочу прогуляться, пройти пешком, практически затащил меня в свою машину, было ничем иным, как заботой. А вот то, что случилось, когда мы прощались, я не могу назвать ничем иным, как Судьбой.

– Как тебе Филипп? – открыв дверь машины и выпуская меня у подъезда, небрежно поинтересовался мой друг.

– Филипп? – повторила я, пытаюсь вспомнить, есть ли среди моих одноклассников человек с таким редким именем.

– Парень, с которым ты выходила на сцену, – последовала подсказка и я, хватая ртом воздух, сжала ладонь Никиты и просительно заглянула в глаза:

– Ты что, его знаешь?!

– Конечно, – ответил тот, чуть нахмурившись.

– Но ты... – растерялась я. – Откуда ты его знаешь? Как? Вы же с разных потоков! И курсов! И он тебя старше! Ты учишься только на третьем, а он... И в универе столько тысяч студентов...

– И все, что ты перечислила, не имеет никакого значения, – отмахнулся Никита от доводов. – Потому что Филипп – мой брат.

Глава № 8

Я знала, что у Никиты есть старший брат, но не могла припомнить, чтобы он хоть раз упоминал его имя. Если что-то и говорил о нем, то вскользь, и называя именно так – «брат».

Таким образом, я была в курсе, что брат Никиты старше него на два года, но учится не здесь, а в одной из зарубежных школ. Позже я была посвящена в тот факт, что он одновременно поступил в несколько высших учебных заведений, а спустя какое-то время выбрал очное отделение в местном университете. Там, за границей, он тоже успешно из года в год переводился на новый курс с массой дипломов, грамот и перспектив. И, кстати, в перспективе собирался жить именно там.

Тогда почему он учится здесь? Зачем вообще вернулся, если привык к другому менталитету? Я не спрашивала. Мне это не было интересно. Как никогда не интересовало и имя старшего брата.

И вот...

Филипп...

Брат Никиты – Филипп...

Меня лихорадило от этого имени. Я пересмотрела в инете все данные – что означает, какой характер, какое ждет будущее, жена с каким именем больше всего подходит. И... что сказать? Интернет не порадовал.

Имя означало любителя лошадей. В семейной жизни обещал быть капризным и принести супруге немало забот, несмотря на присущее ему обаяние. Деньги к нему, по мнению гороскопа, шли добровольно, но меня это мало интересовало. По имени я ему вроде бы подходила, но кроме моего наличествовал еще десяток имен, что серьезно расстраивало. И тем не менее, если вчитаться и, не дай Боже, поверить, мне понравился очень ранимый и впечатлительный мужчина с замашками эгоистичного короля.

Не поверила. Отмахнулась. А потом как-то вскользь спросила у Никиты, чем увлекается его брат и слышала...

– Лошадьми. Мне кажется, их он любит гораздо больше людей.

– Даже больше, чем девушек?! – нервно сглотнув, уточнила я.

– Нет, ну, девушек тоже любит... – задумчиво протянул Никита. – Но так, знаешь? Как тебе объяснить? В общем, девушек «полюбит-полюбит» и отпускает. А за лошадьми он ухаживает.

Никита, заметив мой интерес к данному вопросу, охотно рассказал, что его брат сизмальства посещал конную школу, принимал участие в каких-то там скачках и состоит за границей в элитном клубе конного поло. Я узнала, что любимого жеребца Филиппа зовут Стойкий Солдат, мне в подробностях рассказали, что Филипп делает, чтобы у жеребца хватало сил на эти элитные игры, а еще я выслушала, какие

нежности он шепчет в трепетное черное ухо любимца.

И я поняла – там такая любовь! Такая любовь!

Конечно, где я и где лошадь? В том смысле, что я близко, а лошадь где-то там за границей, но...

Если мои каблукки еще как-то могли симитировать стук любимых Филиппом копыт, то отсутствие волос ниже копчика не оставляло ни единого шанса побороться за его чувства!

Несколько дней депрессии и бессонные ночи неожиданно привели к озарению. Впрочем, на то они и озарения, чтобы набрасываться на обычных смертных внезапно. В общем, я вдруг поняла, что на самом деле все у меня не так безнадежно, как показалось сначала! У другой девушки при прочих равных условиях не было бы ни единого шанса, но у меня-то имелся козырь!

Ух, да еще какой!

Оказалось, что козырь мой въедливый, придирчивый, крайне недоверчивый и поразительно ворчливый. Ну, никак Никита не мог поверить, что я действительно заинтересовалась его старшим братом и что просьба о знакомстве в какой-нибудь непринужденной обстановке не является его галлюцинацией из-за постоянного студенческого недосыпания!

– Что? – демонстративно ковыряясь в ухе, раз десять переспрашивал он. – Познакомить тебя с Филиппом? Я не ослышался?

– Нет! – устав повторять, в конце концов я практически

перешла на крик.

Помогло. Никита наконец-то меня услышал. Оставил свое ухо в покое и принялся за меня, завалив такой массой вопросов, что я не успевала на них отвечать. Поэтому сидела тихонечко, смотрела на вышагивающего туда-сюда парня и впитывала в себя искреннее недоумение по поводу того, что кто-то в здравом уме захотел познакомиться с его братом! Нет, ну надо же! С его страшим братом! С Филиппом! Кому бы он мог понадобиться, кроме родителей? Ладно еще сам Никита – ему по родственному приходилось общаться. Но чтобы знакомиться... добровольно...

– Да я бы сам был рад его никогда не знать! – заявил неожиданно друг и предпринял последнюю попытку меня вразумить: – Анька, я хорошо знаю и тебя, и Филиппа – поверь, тебе не будет с ним интересно!

– Возможно, – согласилась дипломатично, но настояла на просьбе: – И все же я бы хотела убедиться сама.

Всмотревшись в меня, Никита небрежно пожал плечами, словно снимая с себя груз ответственности.

– Я предупредил! – ворчливо напомнил, когда я бросилась к нему с объятиями и поцелуями.

– Угу, – закивала китайским болванчиком и так же ворчливо напомнила о том, что волновало меня: – Пожалуйста, не забудь.

– Я хоть и в шоке, но при памяти, сознания не терял, – буркнул он. – Будет тебе знакомство.

Сказал так – и слово сдержал.

Уже через несколько дней Никита пригласил меня на вечеринку для близких друзей, на которой обязательно должен был появиться Филипп. То, что вечеринку устраивает некая Альбина с пятого курса, меня не насторожило. А жаль.

Пятый курс, вечеринка для близких друзей – все факты говорящие и должны были хоть как-то меня подготовить морально. Но я приводила в порядок кудряшки, с которыми было непросто сладить, обновляла свой маникюр, отдав предпочтение красному лаку, продумывала макияж и наряд – под рыжий цвет, в который я выкрасилась сразу перед поступлением в универ, нужно было что-то другое, что-то новое, яркое. Я отвлекалась на шутки Никиты, который заехал за мной, поверила его комплиентам, потом зависла на странном ощущении жара, опалившем меня у ворот особняка, где поджидали гостей и, широко улыбнувшись, впорхнула в дом на невидимых крыльях. Не любви. В тот момент о любви не могло быть и речи. А какого-то дурмана, иначе не назовешь.

Я мельком выхватывала детали – незнакомые лица людей чуть постарше меня, чей-то смех, чьи-то натянутые улыбки, чье-то удивление, несущееся вслед за мной и Никитой, его обмен репликами с каким-то мужчиной и тихие слова – уже мне, что Филипп давно здесь.

Я нервно выдохнула, вытерла вспотевшие ладони о короткое черное платье, взглянула на черные туфли с красной подошвой, поправила на груди нитку жемчуга и шагнула вме-

сте с другом в комнату, где находился Филипп. Пока я не видела его среди многих гостей – чувствовала, что нервно улыбаюсь и сжимаю что есть силы руку Никиты. А стоило мне разглядеть его в кресле, как внутри словно что-то оборвалось.

Послышался треск.

Отчетливо, громко.

Кое-кто обернулся, оставив на время бокалы с коктейлями и сверкнув белозубой улыбкой.

А я едва держалась на хрупких, неудобных каблуках и сверлила взглядом рыжую симпатичную девушку, сидящую на коленях Филиппа. Длинные волосы, собранные в хвост, красная помада на пухлых губах, красный лак на бесконечно длинных ногтях – мелькнула злорадная мысль, что на ней слишком много яркого и что ей это не идет, и даже ее черное платье от Шанель не спасает положения. В момент, когда она обняла Филиппа за шею и что-то шепнула ему, а потом рассмеялась, наткнувшись на спокойный, невозмутимый взгляд, я поняла, почему она меня раздражает. Она похожа на клоуна. Клоуна, который не смешит, не способен, не научили, а лишь занимает время до выхода нового артиста. И все. Вот и вся его роль.

Вот и вся «ее» роль. Она просто занимает Филиппа, пока он не знает меня, а потом...

– Ань, – услышала рядом голос Никиты, и поняв, что он имеет в виду, кивнула.

– Познакомь меня, – промямлила пересохшими губами.

Никита замешкался, и я начала нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Мне надо скорее, мне надо поторопиться, потому что губы клоуна были так близко к губам Филиппа. А он ведь меня не видит, не замечает пока в этой гудящей толпе веселья, не знает, не понимает...

– Попей, – Никита буквально впихнул мне в руку стакан с минералкой.

Понятия не имею, как он нашел его в этом приюте алко-голя разных сортов, к тому же не отлучаясь от меня ни на шаг. Но вода освежила, придала сил, я перестала сглатывать и ежесекундно прочищать саднящее горло.

– Спасибо, – порывисто обняла спасителя и поторопила: – Никит, пожалуйста! Я от нервов еле держусь на ногах!

– Вижу, – еще раз с сомнением взглянул на меня друг, а потом подвел к креслу, в котором, несмотря на рыжую наездницу, почти по-королевски, весь в белом, восседал его брат, Филипп.

Глава № 9

«Ну вот», – мелькнула суматошная мысль, – «ну, вот я сейчас...»

Так удивительно, что он близко...

Звучала негромкая музыка, слышался чей-то залиvistый смех, кто-то с кем-то кокетничал, кто-то кому-то что-то кричал. Бежали минуты, отражая чьи-то движения, а я словно застыла.

И жизнь моя замерла.

Я просто смотрела в глаза человеку, который не понимал, кто я и почему уставилась на него вот так – безмолвно и откровенно, и в ожидании, и...

Как?

Как он видит меня?

Хотелось бы знать. Хотелось бы, чтобы, как в сказке или в одном из романов мамы, он посмотрел на меня и тоже все понял. Как я.

Он и смотрел. Равнодушно. Не было ни интереса, ни удивления, ничего. Он терпеливо ждал, когда я смещусь в сторону и верну ему простор обозрения.

Мне бы сказать, объяснить ему, мне бы взять его за руку и увести от этих людей. Их так много. Их слишком много.

И рыжая...

Рыжая на коленях у парня, от вида которого зашкаливал

пульс у меня.

Моя соперница улыбалась, ровно дышала, спокойно рассматривала меня. Для нее все было привычным, как раньше. А для меня в эту минуту менялись местами планеты.

Сумасшедшее, непонятное чувство, что парень, которого я видела только раз, парень, с которым практически незнакома, вызывал у меня такие эмоции.

Я хотела шутить, хотела смеяться, хотела показаться ему остроумной, но единственное, на что у меня хватило сил, – смотреть.

Смотреть на него и молчать.

И ждать.

Чего-то ждать. От него.

Прикрыла глаза, выравнивая дыхание, и услышала отрывистый женский смех. Не сразу и поняла, кто это и с чего бы. С колотящимся сердцем бросила взгляд на Филиппа и увидела, что с тем же равнодушием он смотрит уже не на меня, а на младшего брата.

– Еще одна! – только заметив, что вокруг шеи Филиппа закручивается вторая рука рыжей девицы, поняла, что смеялась она.

Такой смех...

Противно же, и так близко к Филиппу, но он не просто терпит, а наслаждается...

Яркая незнакомка почти захлебывалась и булькала – ей хотелось одновременно и смеяться, и говорить. Погладив по

щек Филитпа, которого оседлала, она задорно и громко, перекрывая музыку, проголосила:

– Смотри-ка, еще одна малолетка пала жертвой твоего обаяния!

И вот в этот момент туман, застилавший весь день мои мысли, развеялся, я пошатнулась на каблуках, едва не оправдав насмешливые слова рыжей девушки. От унижительного падения меня удержал Никита. Он стал не рядом, а за моей спиной, позволяя облокотиться о себя, прикрывая меня крепкими объятиями и словно подпитывая энергией теплых ладоней, что легли мне на живот.

– Еще чего не хватало, – склонившись к моему уху, фыркнул друг и ласково пожурил: – Я же тебе говорил, что на этой вечеринке будут одни недоумки. А ты: родня, родня, надо общаться с родней. Мой брат не видел меня несколько месяцев, и, видишь, даже сказать ему нечего.

– Брат? – Рыжая, собиравшаяся дать отпор наглецу, жеманно поправила конский хвост, заелозила на коленях Филиппа и растянула губы в улыбке. – А я – Альбина. Давно хотела, чтобы Филипп познакомил меня со своими родственниками, но он постоянно занят!

Ее глаза загорелись. Ну, ясно: она-то думала, что у них все серьезно, и всячески подталкивала парня к дальнейшему шагу. А он не считал нужным вводить ее в ближний круг. И, судя по взгляду, был удивлен, что этот круг неожиданно «ввелся» сам, да еще не один.

Глаза Филиппа оставили брата в покое, взгляд переместился на меня и произвел тщательный и дотошный осмотр за то время, которое девица потратила на заявления о том, как она рада и счастлива. А потом он удивил не только меня, но и успевшего заскучать Никиту.

– Аня... – В бархатном голосе Филиппа не было удивления или вопроса, только уверенность, пришедшая через какое-то узнавание. Не успела я раз мечтаться, что это наша первая встреча врезалась ему в память, как он кивнул и уже уверенно повторил: – Та самая Аня, подруга Никиты.

Понятно.

Рыжую кудрявую девочку, которая вышла к нему на сцену, он не запомнил. Он был уверен, что видит меня впервые.

– Подруга! – фыркнул Никита, перекрыв мой разочарованный вздох. – У нас все гораздо серьезней.

– Вижу, – Филипп окинул меня долгим взглядом и подарил скупую улыбку. – Прости, я был уверен, что узнаю тебя по волосам цвета топленого молока и меда, но...

– Это кто же так поэтично выразился? – немного ревниво спросила Альбина и окинула меня критическим взглядом. – Хм, поменять волосы цвета меда и топленого молока на махагон сельский, обыкновенный?!

В ее взгляде было столько презрения, что я сама удивилась, когда стала оправдываться:

– У меня раньше были обычные русые волосы!

Схватила за пальцы Никиты, чувствуя, что готова взо-

рваться – от разочарования в себе и невозможности сказать то, что хочется.

– Неужели? – Филипп бросил взгляд за мою спину. – Другим иногда виднее.

– Кому, например?! – разозлилась, не смогла сдержаться, заметив, как Альбина смотрит на меня и покусывает ухо парня. – Ты ведь меня никогда в другом цвете не видел!

Я бы хотела, чтобы увидел. Мелькнула мысль, что, если бы я была со светлыми волосами, со своим натуральным цветом волос, он бы не смотрел на меня, как на предмет старой мебели. Но потом мелькнула вторая мысль: какая разница? Дело не в цвете волос, а во мне.

Ему нравятся рыжие, и я вижу тому доказательство. Ему не понравилась конкретно я.

Не была ему интересна сама по себе.

Не была ему интересна даже как подруга младшего брата.

Не зацепила, не затронула, не запомнилась – так бывает. Да и зачем ему я? У него есть рыжая с красными ногтями, есть первокурсницы, которые падают от его обаяния.

А я держалась.

Благодаря Никите не сдавалась и не показывала, как мне плохо. Другим не показывала. А мой друг чувствовал сам: неспешно поглаживал мои пальцы, выводил круги на запястьях, дул в разгоряченное ухо.

– Не видел, – согласился Филипп, когда я уже потеряла нить разговора, забыла, плавая в своих мыслях.

А потом он вдруг улыбнулся мне. Так искренне и по-настоящему, что я поняла: возможный дальтонизм лучшего друга – не та проблема, на которой стоит заострять серьезно внимание. С этим живут спокойно и счастливо. В то время как мой покой утрачен окончательно и бесповоротно.

И буду ли я счастлива, уже зависит не от меня. Не только от меня – так будет точнее. Еще и от светловолосого парня, который, наконец, рассматривал меня внимательно, хотя пока только как чужую подругу. От парня, на котором нетерпеливо ерзала не я, а другая. От парня, которого эта другая, взяв за руку, заставила подняться с кресла и теперь уверенно уводила в другую комнату.

Так легко.

И прочь от гостей.

Прочь от брата, которого он не видел два месяца.

Но самое главное – прочь от меня.

Я видела, прочитала по ее взгляду, когда она проходила мимо – она догадалась, поняла, она только потому и уводила Филиппа. Она готова была подарить ему быстрый секс, опасаясь, что его заинтересует нечто большее, нечто более значимое, и не с ней.

Она ревновала, да.

Но ее чувства не были сравнимы с тем, что ощутила я, когда Филипп, по-приятельски подмигнув мне, поддался ее уговорам и неспешно удалился из комнаты. Я долго смотрела на дверь и ждала, что Филипп поймет, что вот сейчас он

одумается и вернется, что он что-то такое почувствует...

Не почувствовал.

А вернулся лишь спустя полчаса – взъерошенный, немного шальной, без рубашки и со следами коготков на груди.

Стоило представить, что он проделывал с рыжей, как меня затошнило. Он не мог. Когда я здесь, он не мог...

И тем не менее, я видела свидетельства того, что он это сделал.

Была ли это измена? Нет. Всего лишь удар по самолюбию и странным чувствам девушки, которую он не знает.

Жизнь.

Такая, как есть.

– Уходим, – заметив мое состояние, Никита схватил меня за руку и стал выводить из комнаты, наполненной музыкой, гостями, смехом, а теперь и запахом похоти.

В дверях он обернулся, но, не задерживаясь, прошел дальше. Я тоже бросила взгляд назад и зависла на долю секунды, встретившись глазами с Филиппом. Готова поклясться: он смотрел на меня как угодно, только не равнодушно. А потом обнял подошедшую к нему девушку и отвернулся.

Загораживаясь.

Отталкивая меня.

Я перешагнула через порог, но вопреки тому, что духота и люди остались позади, почувствовала сильную дурноту.

– Тошнит, – пожаловалась Никите.

Он стал моим проводником в этом доме. Провел по пет-

ле коридора, открывая одну дверь за другой, нашел ванную комнату и позволил остаться одной.

– Только отойди от двери, – попросила его.

Обещание в глазах увидела до того, как закрылась дверь и я свернулась калачиком над дорогушим фаянсом. Меня выкручивало, выжимало, выворачивало наизнанку с такой силой, что на глаза навернулись слезы. А когда стало легче и я смогла просто сесть, поняла, что плачу.

Плачу не потому, что плохо физически. А потому, что раздавлена морально. Зря я пришла. Зря стояла безмолвной куклой.

Рыжая...

Увела его от меня.

А он и поддался.

Он...

Всхлипнула – громко, отчаянно, а потом вдруг меня осенило, что зря именно это – слезы.

Вот слезы – зря. Они мое настоящее и разрушают.

Хватит!

Кое-как поднявшись на ватных ногах, вычистила зубы пастой, обнаруженной у зеркала, умылась холодной водой, стойчески всмотрелась в свое заплаканное отражение и вышла из ванной, не обращая внимания на горечь уже не во рту, а в душе.

Благодарно выдохнула, что Никиты не было у двери, и направилась к выходу. В какой-то момент поняла, что забре-

ла не туда, что довольно давно петляю по коридору, а потом услышала приглушенные голоса и пошла на них, чтобы спросить, чтобы они подсказали, чтобы...

Подошла к приоткрытой двери одной из комнат и замерла, не в силах поверить тому, что увидела.

Сделала шаг назад, прищурилась, закрыла глаза, а потом еще раз окинула взглядом картину, которую мне щедро показывал этот дом.

Альбина. Я сразу узнала ее, несмотря на то, что она стояла спиной с задранным платьем, демонстрируя не только длинные ноги, но и попку, часто посещающую тренировки. Машинально отметила: да, таких мужчины хотят. Тонкая талия, стройная, но не худая – позвонки не просвечивались. Ее почти совершенное тело извивалось красивой дугой, а по плечам огненной плетью хлестал ее рыжий хвост. От страсти. И возбуждения. Потому что перед ней, точнее, у самых ее широко расставленных ног, на коленях стоял какой-то мужчина и активно работал пальцами и языком.

– Еще, – стонала Альбина.

И он давал ей то, что она хотела, рождая новые, более громкие стоны и заставляя ее бедра танцевать жестче, активней.

– Еще, пожалуйста, – попросила девушка и, не в силах дожидаться, сама насадила на рот мужчины.

Она раскачивалась у его губ, жадно ловила его язык и поощряла новыми стонами.

– Хочу войти, – не выдержал бешеной пытки уже мужчина. – Хочу войти в тебя, Аль.

– Нельзя, – выдохнула она и, погладив его ладонь, насадилась уже не на два, а на три мужских пальца. – Он узнает... почувствует...

– Аль, всего раз. Я быстро! – почти взмолился мужчина. – Я хочу разорваться в тебе!

– Нет, – едва дыша, прошептала она и поощрила любовника обещанием. – Я потом сама тебе... быстро... Нельзя, Тош.

– Аль...

– Нет, – вцепившись в волосы мужчины, Альбина притянула его лицо к своему телу и, заставив вновь лизать себя, рассмеялась счастливо и похотливо: – Я – честная девушка! Я даю только тем, за кого собираюсь замуж!

У меня было такое ощущение, будто меня поразила молния. Я смотрела на то, как мужчина снова активно и с удовольствием погрузился в тело Альбины. Слушала ее протяжные стоны с каким-то невнятным бормотанием. И не могла поверить тому, что вижу и слышу.

– Замуж... – вырвался у меня шепот.

Но любовники его не услышали – слишком занятые процессом и выбиванием новых стонов, не обратили внимания на присутствие постороннего.

С огромным усилием я сделала еще один шаг назад и...

Наткнулась на кого-то, стоящего у меня за спиной, и по-

няла, что посторонних здесь двое.

А кто второй?

Не дыша, медленно обернулась и расширенными от шока глазами уставилась на спокойного Филиппа уже в новой белой рубашке. Скрестив руки на груди, он смотрел мимо меня на ту развратную сцену, что громко и с наслаждением демонстрировала в паре с другим мужчиной его невеста.

– Замуж... – прохрипела невнятно я, и Филипп недоуменно взглянул, словно вспоминая, кто я такая.

А потом усмехнулся. Едко и безразлично. И прикрыв дверь, чтобы не отвлекать любовников от процесса, наградил меня такой же безразличной усмешкой, что и девушку, которая в этот момент ему изменяла.

– Пойдем, – сделав несколько шагов по коридору, обронил по пути: – Тебе в этом доме не место.

Так кратко.

Будто отдал команду на ипподроме.

Впрочем, тон его был более красноречивым. Он давал явно понять, что мне не место не только в этом доме для развлечений, но и рядом с ним, Филиппом.

Глава № 10

Я не двинулась с места, но Филипп даже не обернулся. Я понимала, что надо уйти: скоро откроется дверь, и меня обнаружат. Но вдруг накатили такая тоска и усталость, что я привалилась спиной к стене.

Не знаю, сколько бы так и простояла в коридоре под этой дверью, если бы меня не нашел Никита.

Он подошел, всмотрелся в мое лицо, приоткрыл дверь, возле которой меня обнаружил, а заметив внезапную заминку обернувшихся партнеров, поднял руки в извиняющемся жесте.

– Продолжайте – продолжайте! – попросил их, но так как любовники пребывали в растерянности и бездействовали, расстроено прищелкнул языком. – Вот так всегда! Старший брат постоянно меня опережает!

Альбина, уловившая суть послания, что Филипп все видел, побывав здесь раньше Никиты, ойкнула, оттолкнула от себя голову мужчины, сдвинула ноги и обернулась.

– Красиво, – оценил мой друг ее прелести. – Благодарю за эффектное знакомство!

Я стояла чуть в стороне, и меня видно не было. Чтобы мое присутствие для растерянных любовников и дальше оставалось тайной, Никита закрыл плотно дверь, взял меня за руку и вывел на улицу. Заметив, что я поежилась от летнего

ветерка, задумчиво покрутил на пальце брелок с ключами, и так же ничего не уточняя, усадил в машину и привез к себе домой.

– Зачем? – заметив из окна знакомую высотку новостроя, проявила я вялое сопротивление.

И, тем не менее, послушно шагнула из салона, когда дверь с моей стороны открылась и Никита подал мне руку.

– Затем, – дал он исчерпывающе лаконичный ответ.

Я прошла за ним по холлу, минуя службу охраны, и только в лифте, взглянув на его отражение, заинтересовалась:

– А ты сегодня один?

– Нет, – ответив на взгляд в зеркале, он щелкнул меня по любопытному носу. – С тобой. Разве не очевидно?

– А еще кто-нибудь будет? – уточнила я, прекрасно зная, что у Никиты, помимо меня, есть еще личная жизнь.

– Конечно, – ответил он, но, прежде чем я придумала повод, чтобы уйти и не мешать, пояснил: – Будем ты, я и ужин.

Едва мы вошли в квартиру, Никита быстро разулся и скрылся на кухне, выполняя данное обещание. Я слышала, как зашумела из крана вода, его размеренные шаги и мысленно даже видела, как уверенно и четко он перемещается по огромной черно-белой комнате. Ему шло быть на кухне, хотя из-за нехватки времени готовил он редко. И не для всех. Его последняя девушка была сильно удивлена, что Никита в курсе не только того, где в кухне находится плита, но и умеет ее включать.

Надо было разуться, пройти следом за Никитой, предложить свою помощь, но, зацепившись взглядом за большое зеркало в красивой раме, я долго всматривалась в свое отражение.

Рыжая, кучерявая, со все еще красными от слез глазами, с кровавыми ногтями и размазанными остатками алой помады. В черном платье, обтягивающем, как презерватив. После увиденного на злополучной вечеринке в голову пришло именно это сравнение. Мило, что и сказать. А еще на высоченных черных каблуках, придающих походке загадочную шаткость.

Отличный образ! Долго гадать не приходится, кого именно показывает мудрое зеркало. Все узнаваемо, потому что знакомо с детства.

Клоун.

Я видела клоуна!

Улыбнулась смешной пигалице, возмнившей, что встретила вторую половинку и что этой второй половинке на нее не начхать. Улыбка вышла довольно забавной и стала еще больше похоже на клоунскую.

А так?

Растянула губы во всю длину – о, прекрасно! Я бы такую страшила выпустила зрителям на потеху.

А если попробовать так?

Рассмеялась – поначалу тихо и неуверенно, а потом как-то вошла во вкус. Недаром говорят, что смех заразителен.

Ох, недаром! Взъерошив свои кудряшки, я громко расхохоталась.

— Анька! — почувствовала, как Никита трясет меня за плечи, кажется, слышала, что он говорил что-то еще, но не могла успокоиться.

Оказывается, быть клоуном — так забавно! Так весело! Так увлекательно! И я хохотала. До головокружения, до хрипа, до состояния пустоты. Хохотала и всхлипывала, сидя хоть и на полу, но в коконе из теплых знакомых рук.

— Анька, — слышался расстроенный шепот, но это было все, что дошло до моего сознания.

Устала, выдохлась, мне чудилось что-то неразборчивое, непонятное, на чужом для меня языке. Правда, ласковое, как майское солнышко. И такое... неожиданное, что ли. Я качалась на карусели мужских объятий, пыталась и отдышаться, и одновременно все пояснить, а потом поняла, что говорить ничего не надо. Тому, кто рядом со мной, слова не нужны.

Он рядом.

А тот, другой...

Перед глазами мелькнула картинка, увиденная в комнате на вечеринке, — противно, неприятно, но меня это все не касалось — до того момента, как память услужливо вытащила из своих закров расцарапанную обнаженную грудь светловолосого парня, а воображение подкинуло картинку, как именно и от кого он получил эти царапины.

— Не хочу, — подняла ладонь к глазам и с ненавистью уста-

вилась на алые ногти, попыталась содрать ногтем, но свежий лак не поддался. – Не хочу...

– Так бы и сказала, а то устраиваешь «Шапито» на дому, отрываешь голодного мужчину от холодильника! – увеличенно гневно возмущившись, Никита подхватил меня, поднял на ноги и заглянул в глаза. – Остаешься за хозяйку, понятно?

– С чего бы это?

– С того, что я так сказал.

Никита снова обул кроссовки, взял с полки ключи и уже был у двери, когда я вышла из странного оцепенения.

Конечно, я не раз бывала в его квартире, в том числе и с ночевкой, иногда даже задерживалась на целые выходные. Но оставаться одной на его территории мне сейчас не хотелось.

– Надолго? – потребовала точного ответа и сама от своего тона немного смутилась.

Вышло, как будто ворчливая жена заставляет мужа отчитываться. И когда Никита обернулся и окинул меня насмешливым взглядом, поняла, что эта мысль посетила не только меня.

– Не думаю, – поначалу он хотел отмахнуться, а потом все же вспомнил о моем пунктике относительно точности. – Минут за десять управлюсь. А ты пока иди на кухню и...

Он взглянул на мои руки и передумал.

– Ничего не делай. Просто подожди меня.

– Это я запросто!

– Ловлю на слове, – подарив мне хитрый взгляд, он щелкнул замком, вышел за дверь, потом заглянул обратно и обронил странную фразу: – Не так-то это и просто, между прочим. Но я надеюсь, ты справишься.

Никита вернулся раньше, чем я успела придумать, что же может быть сложного в том, чтобы дождаться его возвращения. К тому же уложился он максимум в пять минут, я только и успела что разуться, как следует умыться и занять на кухне плетеный стул на углу столика.

– Это было легко! – отчиталась я, заметив его у входа в кухню.

– Это да, – согласился он и положил передо мной плитку моего любимого шоколада. – Только после ужина, чтобы аппетит не испортить.

– Разве можно испортить аппетит шоколадом? – возмутилась я абсурдному предположению, но, взяв в руки сладость, лишь жадно вдохнула его запах и взглянула на друга. – Ты знаешь, что я тебя обожаю?

– Мне этого мало, – усмехнулся тот и распахнул окно – не за моей спиной, а в другом углу, возле плиты и, сверившись с часами, постановил: – У тебя двадцать минут. А я пока пожарю картошку.

– Двадцать минут для чего? – не поняла я.

И тогда он достал из заднего кармана джинсов и поставил передо мной на стол набор ватных дисков и жидкость для

снятия лака.

– Никит... – выдохнула я потрясенно и бросилась его обнимать. – Спасибо! Вот знаешь, знаешь... Это вот единственный сюрприз от тебя, который мне пришелся по вкусу!

– Н-да, Анька, – хмыкнул Никита, уворачиваясь и морща нос от запаха моих ногтей с ацетоном. – Со вкусом у тебя еще с детства проблемы. Но ничего, я над этим неустанно работаю.

Пока я удаляла лак, лучший друг приготовил невероятную вкусноту: жареную картошку, овощной салат и дольки красных помидоров с тертым желтеньким сыром.

– Расслабимся, – поставил на стол бутылку красного вина, выждал, пока я рассмотрю этикетку и производителя, и наполнил бокалы.

Мы почти ни о чем не говорили: Никита проголодался, я ела вяло, но увлеклась обалденным вином, позволив себе два бокала. А потом шоколад. А потом, кажется, было еще вино с шоколадом. А потом Никите кто-то позвонил, он вышел, но по его раздраженному приглушенному голосу из гостиной я догадалась, что звонит его новая пассия. Хочет прийти, а он не соглашается. И злится. Сначала просто сказал, что занят, а потом уже жестко – что если она не понимает, то да, занят он для нее. И с этой минуты не только на этот вечер.

Когда Никита вновь сел напротив меня, я провела пальцем между его сдвинутых черных бровей и хмыкнула, наткнувшись на дымку недовольства в карих глазах.

– Знаешь, – сказала отчего-то непослушным языком, – а дружить с тобой куда лучше, чем быть в отношениях.

– Знаешь, – сказал он сердито и отвел от лица мою руку, – пока твои выводы строятся только на домыслах, ты не можешь знать этого наверняка.

Сейчас не помню, но уверена, что придумала вполне достойный ответ. Но из-за вина, усталости и остатков стресса вслух смогла выдавить только шедевральную фразу, которую никогда не забуду. Как и ответ Никиты.

– Я... наблюдаю, – проямлила невнятно.

– А я живу, – парировал он.

Никита продолжал спокойно есть, а я все пыталась сочинить остроумный ответ, но мысли ленились, передвигались вяло и вообще все были в поддержку тому, что сказал мой друг. Поэтому я пила вино и молчала.

А потом все стало каким-то мутным – руки Никиты на моей талии, я куда-то иду или еду, медленно опускаюсь, ощущаю огненные прикосновения и холодок и... со стоном удовольствия ныряю в теплоту, мягкость и сон.

Нырнуть – нырнула, но глубоко погрузиться не выходило. Я крутилась, поменяла сотню позиций, постоянно натываясь на что-то горячее в дремоте, но никак не могла ни вернуться в реальность, ни полностью отдаться Морфею. Перед глазами мелькали чьи-то худые ноги, кто-то усиленно лилиз странного вида мороженое, иногда, как в детской мозаичной трубе, мелькал образ Филиппа, а сама я находилась в

какой-то вате, из которой не было выхода. И я могла либо смотреть, либо участвовать. В то время как просто хотелось спать и не видеть совсем ничего.

Да, я просто хотела спать. Хотя это и странно звучит – я ведь спала. Но ощущения, что отдыхаю, не было. Я чувствовала усталость и тянущую тоску, которую хотелось унять. Хоть как-то.

Вообще чего-то хотелось...

Как-то...

И вдруг, перевернувшись на бок в очередной раз, я увидела сон. Вернее, не столько увидела из-за темного фона, сколько угадала по подсказкам Луны, а вскоре и по своим ощущениям.

Легкое, скользящее поглаживание сначала моего живота – чтобы дождаться дрожи и трепета. А потом уверенный спуск ниже, к моим раздвинутым в беспокойном сне бедрам. И не дающее времени отстраниться прикосновение к самому сокровенному – чтобы заполучить первый стон. Не сопротивления – а удивления и... приятия.

И в этот момент ощущения и образы стали четче. Я все еще не знала, кто лежит у меня за спиной, кто так близко, что его дыхание щекочет волосы на моей шее. Не видела лица, не в силах была обернуться. Но сон позволил увидеть мужскую руку и то, как она осторожно опускается еще ниже, заставляя меня прогнуться и прижаться к мужчине. Так близко, что дыхание стало единым – томным и судорожным, и

замирающим, когда поглаживания возобновились.

Дернулась, когда палец мужчины, пройдясь по складочкам, опустился намного ниже, а я испугалась, что он может войти.

– Просто расслабься, – слышала едва различимый шепот.

– Я... – выдохнула, преодолев вспыхнувшее желание и смущение.

– Знаю, – заверил шепот и попросил: – Просто расслабься. Тебе надо отдохнуть.

Отдохнуть мне действительно было надо и потом, я почему-то поверила этому шепоту, поверила, что после этой ласки ничего не изменится. И послушно расслабила ноги, позволив мужскому пальцу и дальше скользить. И поглаживать, и надавливать, и тихонько пощипывать, и ускоряться, и замедляться в ответ на мой стон, и снова меня терзать.

В какой-то момент я начала хныкать от желания, чтобы это поскорее закончилось, и от страха, что это на самом деле закончится.

А что потом? А как будет дальше? Что надо делать, чтобы стало еще острее и пряней?

Я начала двигать бедрами, прижиматься к мужчине, но добилась лишь того, что он отстранился. А ведь его палец был все так же желанен. Я начала двигаться навстречу пальцу и тут же слышала поощрение:

– Правильно, вот так... уверенней, это ведь не больно... вот так, скользи, танцуй... Вот так... дико...

А когда я взялась за руку мужчины и приблизила ее плотнее к себе, чтобы ощутить не только палец, но и немного шершавую ладонь, он снова прижался сзади и прошептал:

– Наслаждайся. Ты заслужила.

Его палец стал двигаться жестко, ритмично и требовательно, а я качалась, чтобы помочь ему, чтобы меня еще больше поощрили и чтобы стало острее и так... непонятно, страшно и... восхитительно.

Я всхлипнула, выгнулась нелепой дугой, дрожа и пытаюсь отдышаться, и... неожиданно взорвалась от накатившей эйфории...

Не знаю, сколько я так пролежала.

А потом в шоке открыла глаза и поняла, что испытала все эти эмоции не во сне, а на самом деле! А значит, у меня только что, буквально сию минуту случился первый в жизни оргазм!

Но с кем?!

Я четко помнила, что нахожусь в гостях у Никиты, но мы ведь... мы не могли... не мог же он... нет, я бы с ним никогда не посмела вот так развратно и сладко...

Помня, что во сне мужчина лежал позади меня, я собрала волю в кулак, чтобы обернуться, но начав двигаться, поняла, что не было никакого петтинга с лучшим другом. К счастью, его не было, хотя то, что было, не менее стыдно.

Блин.

Блин блинский!

Проведя пальцем по своим влажным трусикам и убедившись, что оргазм все-таки случился, я положила руки поверх покрывала. Все, вот пусть так и лежат. Вот тут им и место, на виду, а то...

Ничего не вижу в этом постыдного: по статистике мастурбирует каждый второй, а на практике хоть раз пробовал каждый. Я тоже пыталась, не скрою, но никогда это не было так ярко, опустошающе, и никогда не хотелось немедленно попробовать еще раз, чтобы проверить, чтобы понять, чтобы прочувствовать вновь.

Но ведь не в доме Никиты!

А если бы он увидел?!

Я напряглась, подумав, что все это время он лежит позади меня и наблюдает за тем, как я...

А-а, катастрофа!

Но падать – так падать!

Я резко обернулась, готовясь к неизбежному, и...

Глава № 11

И медленно выдохнула, когда поняла, что в кровати совершенно одна.

Раскинув руки, я блаженно улыбнулась и стала погружаться в спокойный, размеренный сон. А тихо льющаяся в душе вода активно способствовала этому процессу.

Утром, понаблюдав во время завтрака за Никитой и убедившись, что он ведет себя, как обычно, я окончательно уверилась, что это был просто сон, и выбросила случившееся из головы. Мало ли какими бывают фантазии. Главное, что об этой никто, кроме меня, не узнает.

Нет, был момент, когда мне показалось, что Никита тоже за мной наблюдает, но когда я напряглась и приготовилась к невыносимому для себя разговору, он усмехнулся и поинтересовался: не пересолена ли яичница и хорошо ли я отдохнула.

– Ты – лучший кулинар из всех мне знакомых мужчин, – заверила я друга. – А твоя кровать самая удобная из всех, в которых мне удавалось поспать!

– Интересно, что было бы, если бы я слепо верил каждому твоему слову? – усмехнулся он и, подхватив свою тарелку, отправил ее содержимое в мусорное ведро. – Яичница на вкус напоминает рапу, а в моей кровати ты никогда не спала.

– Точно, – поддакнула я, и, раз уж он сам признал, очи-

стила и свою тарелку.

– Вот-вот, – проворчал лучший друг.

Вряд ли он бухтел из-за того, что я ни разу не ошибалась комнатами, поэтому я поспешила заверить его, что это только сегодня завтрак не удался, а так он действительно готовит отменно. Он снисходительно поставил передо мной вместо яичницы чай без сахара, и секундное непонятное напряжение спало.

Ну вот, так гораздо уютней, и даже уходить не хотелось. Но я старалась не быть навязчивой, несмотря на то, что в квартире Никиты мне выделялась отдельная спальня и кровать, в которой никто из других девушек никогда не отмечался. У нас как-то сразу так повелось, будь иначе, я бы, наверное, не смогла оставаться с ночевкой. Даже с условием смены белья. Мне и без того после некоторых его подружек приходилось по часу проветривать всю квартиру: такое ощущение, что им продавали духи под видом святой воды с подробной инструкцией, что надо окропить у завидного холостяка. Других вариантов я просто не видела.

Тут же мелькнула мысль, что в квартире Филиппа, пожалуй, имеется такая же проблема, но я не стала на ней заикаться. Я вообще не хотела думать о нем.

Не хотела, а думалось...

Мимолетно. Казалось, уже забыла, уже отвлеклась, уже приняла решение, что больше не буду искать с ним встреч, как вдруг и мелькнет его лицо в памяти. Я загружала себя

учебой – на первом курсе это особенно важно. Отвлекалась на частые встречи с Никитой – то туда вместе выйдем, то там посидим. Пока он снова был вне отношений, мы вообще практически не расставались. И все было замечательно и легко – как прежде.

А спустя пару месяцев я снова пересеклась с Филиппом.

Было довольно холодно, я впервые проспала и теперь отчаянно спешила на пару. Проскочила мимо курящей и хохочущей толпы старшекурсников, взбежала по ступенькам и... тут почувствовала весьма ощутимый толчок, от которого покачнулась, и...

Только и успела, что заметить рыжие локоны девушки, скрывшейся в главном корпусе, а потом начала стремительно падать, под ожидание замолчавших студентов, под чье-то нервное хихиканье и шепоток.

Единственное, что у меня получилось – сгруппироваться во время падения так, чтобы приземлиться на колени, а не распластаться в нелепой позе во всю длину лестницы. Сзади, по явно заготовленному сценарию, тут же послышались преувеличенно громкий смех, ядовитые реплики, аплодисменты и свист, кто-то немедленно прошелся по моим умственным способностям, кто-то заржал, как лошадь.

Я чувствовала, как горит от обиды мое лицо, но не собиралась показывать вида, что меня это задело. Начав подниматься, с удивлением увидела протянутую мужскую ладонь и, ожидая очередного подвоха, все же приняла помощь. А

потом посмотрела вверх и...

Ну, наверное, лошадиное ржание должно было подготовить меня к тому, что где-то поблизости от «конюшен» будет и Филипп.

– Как ты? – участливо поинтересовался он.

– Опаздываю, – отчиталась прохладно, не поверив ни то-ну, ни тому, что отразилось в его глазах, повернулась к зрителям и небрежно махнула рукой. – Поздравляю с успехом. Представление окончено. Можете расходиться.

Отрывисто поблагодарив брата Никиты за помощь, я прошла мимо него, но не успела скрыться в здании, так как услышала какой-то невнятный лепет. Причем удивительно – лепетал не один человек, а несколько, и среди них слышались и мужские голоса, и женские. Поддавшись любопытству, я обернулась и поняла, что жалкий лепет несут те, кто смеялись, те, кто свистели, те, кто радовались падению, те, кто были заодно с рыжей девушкой – в этом я даже не сомневалась.

Еще секунду назад они ощущали себя хозяевами жизни, а теперь бормотали бессвязно, обеспокоенно посматривая на парня в белом, который медленно, ступень за ступенью, спускался вниз.

– Филипп, мы не знали! – испуганно вскрикнула девушка, хохотавшая громче всех, а глистообразный молодой человек возле нее поднял руки вверх, словно сдаваясь, и торопливо стал что-то объяснять и оправдываться.

Взметнулся ветер, заглушая их голоса, и я больше не слышала, что они говорили брату Никиты. Он же... Мне казалось, что он вообще молчал. А еще мне казалось, что все это нереально и как-то... чарующе.

Дабы не мешать тем, кто желает войти в здание универа, я прижалась к двери и безотрывно смотрела на то, как ветер играет со светлыми волосами Филиппа, как прикасается к ним, как пробирается под его светлую куртку, чтобы охладить разгоряченную кожу.

Что и сказать, это было впечатляюще и эффектно – один против всех. Один из всех за меня. А в данный момент даже не один, а единственный.

Сердце снова ускорилося, щеки вообще решили, что лучший цвет лица – это спелый томат, мол, насыщенно и видно издалека. Но память вовремя подкинула картинку расцарапанной мужской груди, и наваждение спало.

– Белый рыцарь, – взглянув еще раз на группу ребят, нашла подходящее сравнение и шагнула внутрь здания. – Коня только не хватает.

Позади меня послышалось знакомое ржание, но я оборачиваться не стала.

– Надеюсь, радость вызвана прощением, а не грядущей поездкой, – пробормотала сама себе, а когда на секунду представила то, что сказала, рассмеялась и снова решительно выбросила Филиппа из головы.

Кстати, вполне успешно.

Но только до новой случайной встречи.

Универ состоит из многих корпусов, и такое подозрение, что с подачи нашего физрука, вечно недовольного физическим состоянием студентов, многие пары часто разбрасывали по разным зданиям. Да, десяти-пятнадцати минут перемены вполне хватало, чтобы добежать до нужного корпуса и кабинета, но осенью, особенно в дождь, такие прогулки были не в радость. А когда ты еще без зонтика... эх...

В тот день был именно такой случай. Я стояла на лестнице, плясая на черные страдающие тучки и, сожалела, что не рассмотрела их как следует утром. Зная, что сильно промокну и с огромной долей вероятности пройду ускоренный путь от простого чихания до серьезной простуды, я прикладывала озябшие ладони к уже горячим щекам и морально готовилась выбежать из-под навеса.

– Ого, да он для двоих! – изумленно ахнула я, когда над моей головой неожиданно развернулся огромный прозрачный купол зонта, и, смеясь, обернулась, думая, что это кто-то из одноклассников.

И тут же застыла статуей, глядя в серьезные глаза чайного цвета. Филипп... Снова весь в белом, снова спокойный, отстранённый, невозмутимый и... все такой же чужой. Позади него топталась очередная рыжая девушка, в цепком взгляде которой клубилось не менее сильное желание примерить подвенечное платье, чем у предшественницы.

– Филипп! – она капризно подергала его за рукав светлой

куртки. – Филипп, ну, давай скорее свой зонт, а то я промокну! Видишь, какой сильный дождь!

Парень едва заметно прищурил глаза, больше ничем не выразив недовольства ее поведением. А когда тонкая, почти прозрачная рука девушки настойчиво потянулась к зонту, вручил его мне.

– Если ты так считаешь, – он неожиданно подмигнул, и я засмотрелась на лукавые искорки в его глазах и только потому подарок и приняла, – пусть этот зонт поможет найти тебе твою половинку.

Сняв с себя куртку, он практически укутал в нее озябшую и опешившую спутницу, но она, даже спускаясь по лестнице, все норовила обернуться и рассмотреть меня повнимательней. В какой-то момент она промахнулась ногой мимо ступеньки, ойкнула, попыталась завалиться на мокрую землю, но Филипп ее вовремя подхватил. А после взял на руки и отнес к белой машине, ожидающей у этого корпуса, чтобы подвезти к следующему. Пока он открывал дверь и усаживал барышню, она обернулась и смерила меня взглядом победительницы.

– Не скажи, – покрутив зонт, усмехнулась я. – Что такое две минуты комфорта по сравнению с таким пожеланием?

У меня внутри словно пузырьки забурлили – вдруг возникла небывалая легкость и предвкушение волшебства. Не то чтобы я поверила, что будет так, как сказал Филипп, но...

Наверное, мне очень сильно хотелось, чтобы так и случи-

лось.

Тут же нарисовалась романтическая картинка, как дверь авто громко захлопывается, позади меня раздаются шаги бегущего человека, он ныряет под купол зонта, вынуждая остановиться, и смотрит на меня. Ничего не говоря. Он просто смотрит, а я и так все понимаю.

Мы оба все понимаем, ведь пророческими станут его слова...

Я не шла, а парила на крыльях фантазии, и пока машина разворачивалась, успела не только обойти ее, но и практически подойти к корпусу. Уже оказавшись под козырьком здания, обернулась, ища взглядом хозяина зонта, но его авто не было видно. Поежилась от порыва ветра, усмехнулась нелепым мечтам и тут же все это выбросила из головы. Ну ладно, верну презент в другой раз.

Я потянулась к кнопке, чтобы свернуть зонт, когда под его купол, взъерошивая мокрые волосы, практически залетел Никита.

– Ух! – он встряхнул головой и смешливо одернул влажную куртку. – Жаль, что я не догнал тебя раньше!

– Ты вовремя, – последовал комментарий проходящего мимо Филиппа.

Братья обменялись взглядами и на том распрощались. Старший вошел в здание со своей новой подружкой. А младший остался со мной.

– О чем он? – насторожился Никита.

– О том, – свернув зонт, успокоила я его, – что мы с тобой неразлучны.

На следующий день я с утра захватила свой собственный зонтик, а этот попросила Никиту отдать старшему брату. Вся разница между двумя этими аксессуарами была только в размере и цвете, а так...

Зонт и зонт.

Ни толики волшебства.

Через несколько дней я пришла к выводу, что мой эксперимент со сменой прически и цвета прошел неудачно, и начала путь обратно, к себе, настоящей. Я получила небывалое, хотя и странное удовлетворение, когда Филипп, однажды обходя меня, прошел было мимо, не узнав. И лишь спустя пару минут, когда мы были уже достаточно далеко друг от друга, остановился и обернулся.

Не знаю, как долго мы стояли по разные стороны дороги, рассматривая нечто неуловимое через потоки вечно спешащих и веселых студентов, но к нему подошла его девушка, а ко мне кто-то из одноклассников, и мы потерялись.

Снова на несколько месяцев. До середины зимы.

Мои мысли, как несмелые снежинки, часто кружили вокруг Филиппа и так же часто растворялись, терялись в других мыслях. Чтобы однажды ярко сверкнуть и напомнить о себе, показаться. И снова спрятаться, глубоко-глубоко, дабы не превратиться в снежок, который пролетит высоко и умрет, рассыпаясь.

Меня тянуло к Филиппу. Я хотела видеть его, говорить с ним, но понимала, что мне этого мало, для большего у него есть другая, а бороться я не умею. И еще у меня был какой-то необъяснимый страх. Даже воображая, что смогу заинтересовать Филиппа как девушка, я тут же обрывала мечты и переключалась на что угодно – уборку, прогулки, встречу с Никитой, учебу – лишь бы отвлечься, лишь бы не представлять, что у нас будет дальше...

В какой-то момент я поняла, что боюсь того, что мы сблизимся. Ужасно хочу, но боюсь. Может, потому, что изначально готовилась к скорому расставанию, а я ведь понятия не имела, как расстанутся. Может, потому, что, пусть и редко, но как-то странно и как-то слишком знаково мы пересекались с ним. И тем самым меня пугала сама Судьба?

Не знаю.

Но в какой-то момент я заметила, что всегда, когда мы с Филиппом встречаемся, точнее за пару секунд до встречи, меня охватывает жар, а щеки буквально пылают. Осень ли это, зима или лето. Без разницы. Я испытала это во все времена года.

И в тот момент, когда я поняла, что это было за чувство, Судьба решила, что давала достаточно шансов, и вознамерилась меня проверить.

Во-первых, Филипп ожидаемо закончил наш универ. Во-вторых, устроился на перспективную работу с зарубежными командировками и в городе появлялся довольно редко.

В-третьих, у него, по неохотным слухам от доверенных лиц, появилась постоянная и хорошая девушка. Ну, а в-четвертых, пока я разбиралась со страхами, гордостью и опасениями, он вообще уехал из города.

По работе. Без девушки. Но меня это не радовало: меня ведь с ним тоже не было рядом, а я очень хотела. И еще потому, что я поняла, что не увлечена им, не влюблена, а люблю.

И вот, спустя два года он возвращается в город.

А я, спустя два года, появляюсь в доме его родителей.

И целуюсь с Никитой у него на глазах.

Н-да...

Справедливости ради скажу – приятное, хотя и сильно запутанное начало для тех, кто хочет во всем разобраться.

Глава № 12

Не желая запутываться еще больше, я обула босоножки на высоченной шпильке и вышла из комнаты в поисках Никиты. По моим подсчетам, полчаса разлуки ему должно было хватить, чтобы меня простить.

По крайней мере, раньше всегда хватало.

Было забавно, если мы ссорились, находясь на одной территории – например, у него в доме или у меня. Тогда и уйти – это бегство, и остаться – это сильное напряжение. Так и сидели, делая вид, что о чем-то усиленно думаем. Но проходило немного времени, и мы забывали о том пустяке, что успел нас нелепо рассорить, и не искали пустого предлога для примирения.

Зачем? Мы были друзьями, а не парой, где каждый пытается показать свой характер, поставить условия и испытать границы дозволенного. Просто тот, кто остывал первым, обнимал второго, и все. Мы принимали как данность, что ссоры не было, и вычеркивали этот момент из жизни.

Проходя мимо соседней комнаты, заглянула в приоткрытую дверь – по-мужски аскетично, в серо-синих тонах, при этом уютно, но пусто.

Спускаясь по ступенькам и прислушиваясь к уютным звукам дома, мне хотелось, чтобы Никита не только простил меня за отказ, а забыл о причине, почему ушел, хлопнув две-

рю.

Поцелуи...

Какие могут быть у нас поцелуи?

Так, для гостей и родителей – это да, это, пожалуй, возможно. Хотя мы изначально не договаривались, но ради того, чтобы спасти лучшего друга от чужих посягательств, я на это готова. Правда, желательно, чтобы этого не видел Филипп...

Вот! Вот надо обсудить с Никитой этот момент! А то как-то... Как я скажу Филиппу, что люблю его, если он будет постоянно видеть, как я целую его младшего брата?

Одного раза для недоразумения хватит.

И без того, как представляю момент с признанием, так внутри все переворачивается и сбежать хочется. От постыдного поступка останавливает не столько охрана, на которую намекал Никита, – я бы по лесу ее обошла, я бы нашла лазейку, слишком хорошо знаю эти места. Дело в другом: и при мыслях об откровенном разговоре с Филиппом, и при мыслях о побеге ноги одинаково начинают трястись и подкашиваться. А на полусогнутых и в полуобморочном состоянии далеко уйдешь.

Поговорить – страшно. Уйти, не поговорив – жутко. Но пока у меня было время. Время и возможность все выяснить, как говорил мой друг. Ну и самое главное, что держало меня – слово, данное этому самому другу, что неприятный день с пикником я проживу вместе с ним.

Спустившись по лестнице, я в нерешительности остановилась, пытаясь понять, куда же свернуть. На террасу? Нет, трудно было представить находящегося в постоянном движении Никиту сидящим в одиночестве в кресле-качалке и рассматривающим аккуратно подстриженные кусты. Так что этот вариант я отмела решительно и сразу. Прислушалась к звукам в доме, уловила запах выпечки, а потом мое внимание привлек раздающийся со стороны кухни негромкий, но строгий и резкий мужской голос, отдающий какие-то команды – да нет, тоже вряд ли.

Никита готовить умел, но от кухни не фанател, а мужской голос был слишком жестким, если представить себе, что это разговор с сыном. К тому же папа у Никиты – человек мягкий, и...

Речь мужчины прервалась, справа громко и как-то знакомо хлопнула дверь, но услышав шаги, я успела свернуть за угол. А выглянув, с удивлением увидела, как мимо меня в сторону террасы пронесся Никита: бледный, губы сжаты в тонкую линию, волосы взъерошены и торчат во все стороны как черные иголки рассерженного ежа.

Ого, вот это его кто-то довел!

Спустя минуту из комнаты, которую покинул Никита, вышел его отец. Тоже не в лучшем виде – почти точная копия сына, только чуть старше. В какой-то момент мне показалось, что он заметил, как я подсматриваю, и стало неловко и стыдно – я ведь не специально! Но лишь показалось, фух.

Он достал из кармана телефон, набрал чей-то номер и отвисто бросил:

– Ничего не хочет слышать о свадьбе... – выслушав ответ, он кивнул и продолжил. – До наследства еще не дошло... Да ничего, посмотрю... Пока пригрозил урезать ему ежемесячную финпомощь. Посмотрим, как он покрутится... Да кому он будет нужен без денег?..

И вот мне так обидно стало. Так обидно за Никиту, что я не выдержала и вышла из укрытия.

– Знаете, Иван Петрович... – от сурового взгляда мужчины мой голос немного дрогнул, но я не пошла на попятную, даже когда он сдвинул черные брови.

Только обида усилилась, потому что сейчас он был очень похож на Никиту, на того человека, за спиной у которого плетут заговор самые близкие ему люди.

Я хотела напомнить мужчине, что его сын уже достаточно взрослый и хорошо зарабатывает сам. Хотела сказать, что он веселый, добрый и вообще замечательный, и он нужен многим, просто сам не с каждым хочет общаться. И вообще, он помог возродить целое озеро! А еще я хотела выкрикнуть в лицо мужчине, который так странно и выжидающе смотрел на меня, что мне... Мне нужен Никита! Нужен, и уже много лет, каждый день нужен мне!

Внутри меня бурлило столько эмоций, что они пожирали слова. Эмоции ужасно хотели выплеснуться, но я отчетливо понимала, что это папа моего лучшего друга. И я не имею

права вмешиваться в их отношения, даже если мне что-то не нравится. Потому что Никита справится сам.

– Мне жаль, что вы так плохо знаете сына, – это единственное, что я позволила себе сказать, да и то после нескольких выдохов, и уже развернулась уйти, но реплика мужчины меня задержала.

– А может, я не его плохо знаю. А тебя узнаю получше?

– Такими методами, – я обернулась с грустной улыбкой, – у вас вряд ли это получится.

– Посмотрим, – усмехнувшись, мужчина сунул телефон в карман и двинулся вверх по лестнице.

А я вышла на террасу, подкралась к Никите, сидящему в кресле-качалке и безучастно взирающему на кусты, хотела неожиданно закрыть ему ладонями глаза, но что-то меня удержало от этой вполне, казалось бы, безобидной шалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.